

Arbitration.ru

Издание о международном арбитраже

Вкальвают роботы, а счастливы ли арбитры? // Computers or arbitrators?

Аналитика

Арбитраж 3.0:
искусственный интеллект

Тенденции
в онлайн-арбитраже

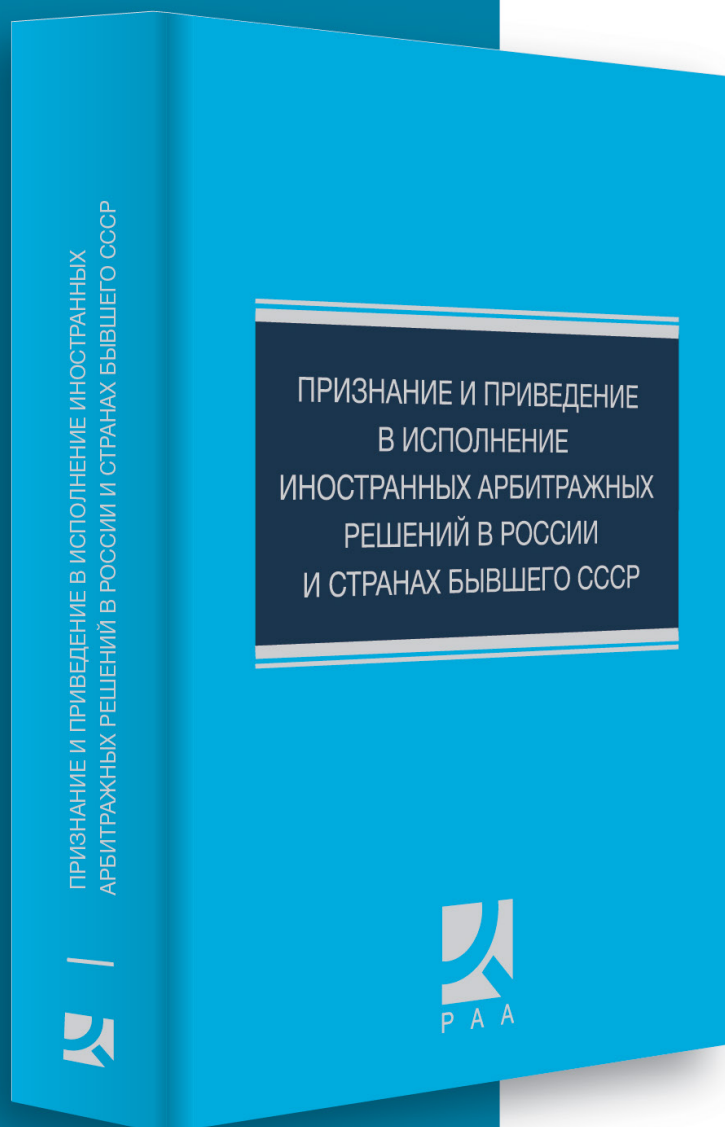
Обзор

Признание решений
в сфере технологий и ИС

Арбитраж
и дистрибьюторы

English Section

- Interview with Peter Wolrich
- Machine Arbitrators
- Smart contracts
- SCC Platform

В 2018 году исполнилось 60 лет Нью-Йоркской конвенции о признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений.

Арбитражная Ассоциация выпустила книгу, посвященную вопросам признания и приведения в исполнение иностранных решений, оспаривания и исполнения внутренних арбитражных решений в России и странах бывшего СССР. В издание включен постатейный комментарий к Нью-Йоркской конвенции, Европейской конвенции о внешнеторговом арбитраже 1961, АПК, ППК и Закону о международном коммерческом арбитраже. В книге также подробно освещены особенности правового регулирования в странах бывшего СССР.

Уникальной особенностью издания является подробный статистический анализ российских судебных актов об оспаривании, признании и приведении в исполнение арбитражных решений за последние 10 лет.

Твердый переплет, 1000 страниц, тираж 1000 экз. В 2019 планируется издание книги на английском языке.

The New York Convention celebrated its 60-year anniversary in 2018.

To celebrate this occasion, the RAA released a commentary to the New York Convention and related Russian and CIS laws.

The book will offer a detailed analysis of the Russian case law on the Convention for the past 10 years.

Hardcover, 1000 pages, 1000 copies, Russian language. An English language version will be released in 2019.

EDITORIAL BOARD

Dmitry Artyukhov

Arbitration.ru, Editor-in-chief, Moscow

Olena Perepelynska

Integrites, Partner, Kyiv

Ekaterina Grivnova

Paris baby arbitration, Founder, Paris

Galina Zhukova

Bélot Malan & Associés, Partner, Paris

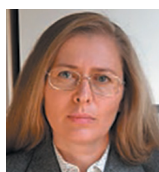
Roman Zykov

Russian Arbitration Association,
Secretary General, Moscow

Steven Finizio

WilmerHale, Partner, London

Lilia Klochenko

RAA, Member of the Board, Vienna

Vladimir Khvalei

Arbitration Association,
Chairman of the Board, Moscow

Alexander Komarov

VAVT, Chair to international private law,
Professor, Moscow

Alexander Muranov

Muranov, Chernyakov and partners
attorneys-at-law,
Managing partner, Moscow

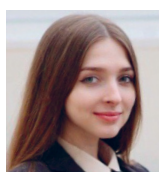
Elina Mereminskaya

Wagemann Abogados & Ingenieros,
Partner, Santiago

Alexandre Khrapoutski

Arbitration Association,
Vice Chairman of the Board,
Lex Torre, Partner, Minsk

Anastasia Konovalova

Arbitration.ru,
Editorial Assistant, Moscow

На обложке: CSA-Printstock.

On the cover: CSA-Printstock

Журнал Arbitration.ru № 14, ноябрь 2019

Учредитель и издатель:

Арбитражная Ассоциация

Адрес учредителя и издателя:

115191, Москва, Россия,

Духовской переулок, 17, стр. 12, этаж 4

+7 (495) 201-29-59

Главный редактор:

Дмитрий Артюхов
editor@arbitrations.ru

Ассистент редакции:

Анастасия Коновалова

Корректор:

Татьяна Левицкая

Возрастное ограничение 16+.

Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов. Издание является информационным. Опубликованные в издании законодательные акты, решения судов и другие юридические документы могут изменяться и должны быть запрошены через соответствующие институты и ведомства.

CONTENTS / СОДЕРЖАНИЕ

English section

INTERVIEW

- 7** **“OPPORTUNITY IS A COMBINATION OF CHANCE AND CHOICE”. INTERVIEW WITH PETER M. WOLRICH, PARTNER OF CURTIS, MALLET-PREVOST, COLT & MOSLE LLP, PARIS**
Dmitry Artyukhov, Arbitration.ru Editor-in-chief

CAREER MOVES

- 10** **“I FEEL VALUED NOT ONLY AS A ‘FEE EARNER’ BUT ALSO AS A HUMAN BEING”**
Interview with Tatiana Minaeva, RPC. Arbitration.ru

ANALYTICS

- 12** **ARBITRATING DISPUTES ARISING OUT OF SMART CONTRACTS**
Robert Coffey, Peter Stewart, Cooke, Young and Keidan, London

- 16** **MACHINE ARBITRATORS CHANGE THE RULES OF THE GAME**
Veronika Pavlovskaya, Chief Coordinator at Young ADR, Belarus

- 20** **THE SCC PLATFORM**
Arbitration.ru

NEWS

- 22** **AUSTRIA – A TRUSTED OPLACE OF ARBITRATION**

АНАЛИТИКА

- 25** **МЕЖДУНАРОДНЫЙ АРБИТРАЖ 3.0: КАК ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ ИЗМЕНИТ РАЗРЕШЕНИЕ СПОРОВ**
Макси Шерер, WilmerHale, Лондон

- 32** **ВОЗМОЖНОСТЬ ПРИМЕНЕНИЯ ОНЛАЙН-АРБИТРАЖА (НА ПРИМЕРЕ НЕКОТОРЫХ СТРАН ПОСТСОВЕТСКОГО ПРОСТРАНСТВА)**
Александр Храпуцкий, Валерия Сильченко, АБ «Лекс Торре», Минск

- 39** **РАЗРУШЕНИЕ СВЯЗЕЙ**
Дмитрий Артюхов, Анна Зотова, Москва

ОБЗОР ДЕЛ

- 43** **ОБЗОР СУДЕБНЫХ РЕШЕНИЙ РФ**
Степан Султанов, АБ «КИАП», Москва

- 49** **РОССИЙСКИЙ ИТ-ДИСТРИБЬЮТОР И МЕЖДУНАРОДНЫЙ КОММЕРЧЕСКИЙ АРБИТРАЖ: ВСЕГДА РЯДОМ, НО НИКОГДА НЕ ВМЕСТЕ**
Степан Султанов, АБ «КИАП», Москва

МЕРОПРИЯТИЯ

- 53** **МЕРОПРИЯТИЯ/EVENTS**

ОТ РЕДАКЦИИ

Дмитрий Артюхов
Arbitration.ru
Главный редактор

Компьютер продолжает обыгрывать человека. На днях Ли Седоль, южнокорейский чемпион по игре в го, в которой нужно шашками отвоевать у противника как можно больше полей на доске, объявил об уходе из профессионального спорта из-за превосходства искусственного интеллекта. Его слова похожи на реплику героев «Матрицы»: «Даже если я стану номером один, есть нечто, что нельзя победить».

Замена человека компьютером при решении множества задач уже произошла — вспомним хотя бы автопилот на самолетах. Сейчас речь идет о замене человека искусственным интеллектом в целых профессиях. В том числе и в юриспруденции.

Совсем скоро программы поиска документов с алгоритмами машинного обучения станут помощниками каждого юриста. Увидим ли мы электронных арбитров?

Сейчас в правилах некоторых международных арбитражей, таких как VIAC и МКАС при Торгово-промышленной палате Республики Беларусь, однозначно утверждается, что арбитром должен быть именно человек (см. статью Вероники Павловской *Machine arbitrators change the rules of the game* в этом номере). Однако другие правила (UNCITRAL, ICC) не содержат прямых указаний на этот счет.

Один из наших авторов, Макси Шерер, профессор Queen Mary University, уже всерьез описывает возможные преимущества и недостатки роботов-арбитров. И такие преимущества есть: искусственный интеллект не станет брать взятки за нужное решение; он способен очень быстро учиться и приходить к гениальным результатам. Например, в своей статье Шерер рассказывает, как искусственный интеллект сам нашел оптимальное — и неочевидное для человека — решение в компьютерной игре. Причем программе понадобилось всего четыре часа, чтобы дойти от нулевого уровня до эксперта.

Однако есть и минусы. Сумеет ли мы понять, как именно электронный арбитр приходит к своим гениальным решениям? Доверим ли применять право — а значит, предписывать нам поведение — бесплотной «сущности, которую нельзя победить»? В выступлении перед студентами Казахского гуманитарно-юридического университета, опубликованном в прошлом номере Arbitration.ru, председатель AIFC (МАЦ) в Нур-Султане, английский судья лорд Вульф сказал: «Хотя я могу принять то, что однажды по дорогам будут ездить машины без водителей, я не готов лицезреть суды без судей». Он привел в пример два дела, которые требовали не только анализа норм права, но и глубокого понимания человеческих эмоций и побуждений, недоступных компьютеру. Готовы ли мы поступиться своей свободой? И во имя чего?

EDITOR'S LETTER

Dmitry Artyukhov

Arbitration.ru

Editor-in-chief

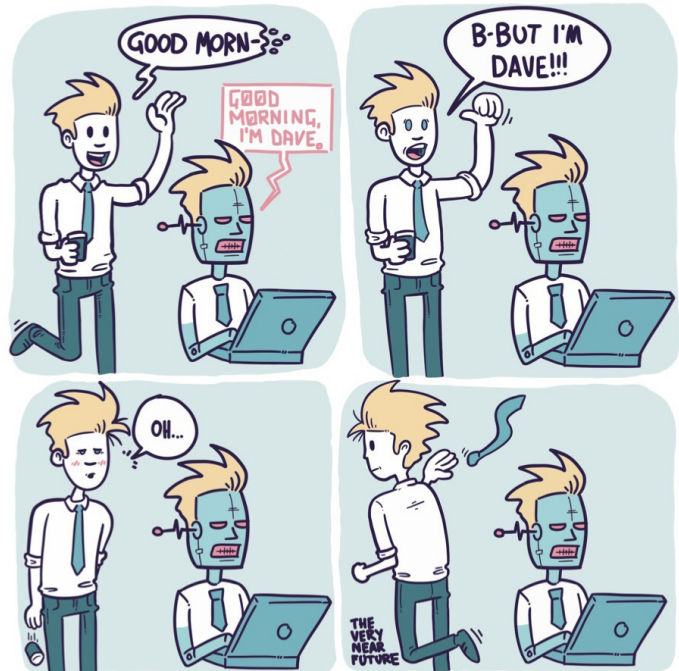
The machine continues to beat the man. Last week, the South Korean champion in the game of go (where one needs to conquer as many fields on the board as possible) Lee Sedol announced his retirement from professional sports due to the superiority of artificial intelligence. His words sound like those of the heroes of *The Matrix*: “Even if I become number one, there is something that cannot be defeated.” In many tasks a person is already replaced by a machine (remember autopilots on airplanes). Now we are talking about replacing a person with artificial intelligence in entire professions. Including in jurisprudence.

Very soon, document search programs with machine learning algorithms will become assistants to every lawyer. Are we contemplating electronic arbitrators?

Now the rules of some international arbitration institutions, such as the VIAC and the ICAC at the Chamber of Commerce and Industry of the Republic of Belarus, stipulate that the arbitrator should be an individual (see Veronika Pavlovskaya’s article “Machine arbitrators change the rules of the game” in this issue). However, other arbitration rules (UNCITRAL, ICC) do not explicitly provide for this. And one of our authors, Maxi Scherer, a professor at the Queen Mary University, is already seriously pondering about potential pros and cons of robot arbitrators.

The pros? Artificial intelligence will not take a bribe for issuing the right award. It can learn rapidly, and then come to brilliant results. (Scherer talks about how artificial intelligence itself found the optimal - and not obvious for a person - solution in a virtual ball game. It took the program only four hours, and at first the computer had «zero» knowledge).

However, there are questions. Will we understand how an electronic arbitrator comes to his ingenious decisions? Shall we entrust it with applying the law - and therefore, with prescribing us our behavior - some ethereal «entity that cannot be defeated»? In a speech to students of Kazakhstan State University of Humanities and Law, published in the latest issue of *Arbitration.ru*, English judge the Lord Woolf, Chief Justice at the AIFC Court in Nur-Sultan, said: “While I am prepared to accept that one day we may have driverless cars I am not prepared to contemplate *judgeless courts*.” He gave an example of two cases that required not only legal analysis, but also a deep understanding of human emotions and intentions unavailable to a computer. Are we ready to give up our freedom? And in the name of what?

Rise of the Machine. Theverynearture.com

“OPPORTUNITY IS A COMBINATION OF CHANCE AND CHOICE”. INTERVIEW WITH PETER M. WOLRICH, PARTNER OF CURTIS, MALLET-PREVOST, COLT & MOSLE LLP, PARIS

By Dmitry Artyukhov, Arbitration.ru Editor-in-chief

Peter M. Wolrich is one of the leading arbitration lawyers in the world. Born in the U.S., he represented numerous European and Asian countries in complex and lengthy investor-states arbitration proceedings. Peter works in Paris, but occasionally visits Russia as well and took part in American Bar Association conference held in Moscow this September. We talk with Peter about his legal career, the Central Asia, complex cases and his philosophy that has driven him through over 40 years of his work in arbitration.

This year you came to Moscow for the ABA conference hosted together with RAA and spoke on a panel on bifurcation in international arbitration. Why did you choose this particular topic?

Bifurcation is an important and multi-faceted issue that needs to be considered when setting up a time and cost efficient arbitral procedure. However, it is a topic that is rarely dealt with in arbitration conferences. I thought it was time to bring it to the fore, and the Moscow ABA/RAA Conference was an excellent venue in which to do so.

In your long career in arbitration, what particular challenges of bifurcation have you come across as a counsel or arbitrator?

Bifurcation, of course, occurs when certain issues are broken out for early determination by the arbitral tribunal in a partial award. Some issues such as jurisdiction, capacity, arbitrability

or the application of the statute of limitations could dispose of the entire arbitration. Other issues such as the applicable law, the meaning of a contractual provision or the determination of a key fact in dispute may narrow or simplify the remaining issues to be decided or may encourage settlement. As an example, in one arbitration in which I was sitting as an arbitrator there was an issue as to whether the law of country X or the law of country Y was applicable to the dispute. We considered that it would be inefficient to require the parties to plead their case alternatively under two different legal systems. In addition, the laws of country X allowed for consequential damages and the laws of country Y did not. One of Claimant's largest claims was for consequential damages. As a result, the tribunal, at the request of Claimant, decided to bifurcate the applicable law issue and decide it upfront in a partial award.

You have been awarded Chevalier de la Légion d'Honneur by the French government for distinguished service. On what project or activity did you earn this title?

This was granted based on an entire career of service. The main elements in my case

were the following: my serving as Chairman of the ICC Commission on Arbitration and ADR including my role as principal draftsman of the revised ICC Rules of Arbitration and other ICC rules; my representation of the French local governments, departments and communes, in the Amoco Cadiz oil spill litigation¹; and my representation of various nation states in international arbitration.

You've made your Juris Doctor at the University of Georgetown. Why did you choose this University? (Russian-speaking readers have mostly heard about Georgetown from John Grisham's 'Pelican Belief' thriller).

Georgetown is a leading law school in the field of international law. It is also in Washington D.C., and so while in law school I was able to work as a legislative aide to the then Senator from the State of New York. Being a relatively large law school, Georgetown has a very wide range of available courses. For example, I was able back in 1973 to take a course on Soviet law taught by a former justice of the Supreme Court of Yugoslavia.

You were the editor of The Georgetown law journal. Did editing facilitate your legal career, and, if yes, in what way?

In those days only roughly the top five percent of the class were invited to be editors of the Georgetown law journal. It was thus considered to be quite prestigious and played a role in getting one's first job out of law school. In addition, the editing work was very meticulous and provided excellent training in legal writing and research.

Before Georgetown, you have earned grades from University of London, Temple University and Brown University. Could you tell us more on your long education path?

In the United States it is not possible to study law right out of high school. Law is considered to be a post-graduate degree, and you can only enter law school after four years of college, during

which you do not study any law at all. I chose to major in philosophy and did three of the four years at Temple and one year at University College London. I then decided to get a Masters in Philosophy at Brown during one year before going on to law school. I must say that my study of philosophy, including logic and rhetoric, and the rigorous writing that was required made law school seem very easy and has been enormously helpful in my legal practice.

Curtis, Mallet-Prevost, Colt and Mosle represented Turkmenistan and Kazakhstan in a number of investment arbitrations. Why has Central Asia become a focus region for the company?

Our firm has represented more than 35 different States on four continents. Our representation of Central Asian States as well as the Russian Federation is part of our global policy of representing States and only States in investor-State arbitrations. In that sense, our arbitration practice in Central Asia is attributable to our reputation as a leading firm internationally in the representation of States in Investor-State Arbitration. The fact that we now have a significant number of Russian speaking lawyers clearly facilitates our representation of those States.

Do clients from the Central Asia differ from your clients in Europe or other CIS countries? What is the best strategy in working with them?

First of all, Investment Arbitration is not really a regional practice. It is truly international and is typically governed by international law. There are of course certain particularities in representing any given State, but I would not say that there is anything that would single out Central Asian States, as compared to other States, in the manner of representation or the nature of client contact. We have worked very cooperatively with Central Asian States and have always received whatever support and back-up we have needed.

Your web-page describes you as one having "outstanding advocacy and great command on large

¹ Editor's note: In the aftermath of a ship wreck in 1978, when a giant tanker carrying oil for a North American company broke apart near the French Brittany and spilled 220 thousand tons of crude oil into the sea, France was entitled by the U.S. courts to over \$64,5 million damages necessary to clean up pollution. Among other questions which had to be answered in more than 14 years of litigation, one of the central ones to be resolved by the United States Court of Appeals was "prejudgment interest". See *Matter of Oil Spill by the Amoco Cadiz*, 954 F.2d 1279, 1330 (7th Cir. 1992).

complex cases". What is a complex case, in your understanding?

Cases can be complex in two different ways, and many are complex in both of these ways. First a complex case usually involves many different aspects at the same time: jurisdictional issues, procedural issues, tactical and strategic considerations, questions of law, questions of contract interpretation, questions of fact, etc. Second, in any one of those issues there may be very difficult questions that need to be addressed. For example, I have had a number of cases as counsel in which billions of dollars turned on how a complex and rather ambiguous group of contractual provisions should be interpreted. The parties were required to write hundreds of pages, call upon fact and expert witnesses and prepare extensive oral pleadings in order to make their case.

What tasks are the most tedious in international arbitration practice, in your view?

In my experience, dealing with document production can be very tedious, particularly, for example, when the parties are requesting a very large number of documents covering a broad range of issues in a 150 page Redfern Schedule. Document production can be very time consuming and very expensive. Too often parties will simply throw in the kitchen sink without thinking through what document production they really need or whether they really need document production at all, e.g. when they can well meet their burden of proof without it. This is a question of whether the time and cost of document production is worth the assessed likelihood of getting something valuable out of it.

It is often mentioned that investment arbitration is inaccessible for small and medium-sized businesses.

What do you think about prospects of specialized small-claims arbitration institutions?

I am not sure that the problem is with institutions. It has been documented that the lion's share of the cost of an arbitration is party costs, including legal fees and expenses and expenses related to witness and expert evidence. These costs in turn result from having two or more rounds of long briefs, document production, many witnesses, extensive hearings, etc.

I believe that the only way to have cost effective arbitration for small claims is to streamline the arbitration process by agreement of the parties or pursuant to arbitration rules that provide for this. For example, the ICC has recently included rules for expedited procedure in Article 30 and Appendix 6 of the 2017 ICC Rules of Arbitration. The expedited procedure kicks in when the amount in dispute is below a certain amount, currently US\$ 2,000,000.

How did you personally enter the niche of investment arbitration? What would you advise to those young professionals wishing to enter this niche now?

Our firm, which was created in 1830, has represented States since the 19th century, long before there was any investment arbitration. When investment arbitration began seriously emerging in the late 1990s, our State clients, whom we represented in commercial arbitrations or other matters, naturally turned to us for assistance, and the practice grew from there. I, who was primarily engaged in commercial arbitration at the time, also naturally migrated to investor-State arbitration. Investor-State arbitration typically requires a significant team with a great deal of experience. Young people who wish to enter the field would do well to take law school courses in international law and arbitration, develop language skills and seek a position as an associate in a firm that has an experienced investor-State arbitration group, in order to learn what is needed and to develop experience.

What keeps you going in your job, every day?

The fact that what I do is extremely interesting and challenging and that the work is genuinely useful to and appreciated by our clients.

If you were to give a professional advice to yourself, but 30 years ago, what would it be?

Opportunity is a combination of chance and choice. One needs to keep one's eyes and ears open so as to spot and choose opportunities that are attractive to you as they come along. Over a long career, doing useful work that you enjoy, with compatible colleagues, is far more important and rewarding than making a little more money.

“I FEEL VALUED NOT ONLY AS A ‘FEE EARNER’ BUT ALSO AS A HUMAN BEING”

By Dmitry Artyukhov, Arbitration.ru Editor-in-chief

For the last ten years Tatiana's practice is based in London but it extends to most of the counties of the former USSR, as well as to Turkey and Israel. Apart from her counsel work, Tatiana sits as arbitrator under the rules of ICC, LCIA and UNCITRAL, and she is on the list of Asian arbitration centres: HKIAC and SIAC. She was a co-panelist with international arbitrator Peter M. Wolrich (see interview in this issue) at the ABA/RAA Conference in Moscow this September. We talk with Tatiana about her move to an English law firm from a U.S. law firm.

friendly work environment. This was an important aspect for me, as leaving Jones Day was not an easy decision and I wanted to make sure my next employer would offer an equally supportive work culture.

In 2000 you graduated from MGIMO (Moscow State Institute of International Relations) and worked at ILFs in Moscow. In 2010, you became a senior associate at Stephenson Harwood in England. How did you manage to get to work in the UK?

It was by chance! I went to Vienna to take part as an arbitrator in the Willem C. Vis. International Commercial Arbitration Moot, where I sat on the same panel with an arbitration partner from Stephenson Harwood. A year later, Stephenson Harwood was instructed on a number of litigation and arbitration matters and the firm was looking to strengthen their team with a Russian speaking arbitration lawyer who had experience with arbitration cases. Stephenson Harwood approached me to and asked whether I would be interested in joining their team. To tell

Why did you switch from Jones Day to RPC?
I knew of RPC's reputation as a well-known disputes firm and I always kept an eye on them given the interesting work they have been involved in. I had been impressed by their litigation team and their work in particular for Russian clients. I knew that the region was a focus for the firm and they were looking to grow their arbitration practice. The firm also had a number of respected arbitration practitioners, such as Jonathan Wood, who chairs Board of Trustees of the Chartered Institute of Arbitrators, and I thought my experience fitted perfectly into their team and strategic focus. During my conversations with various lawyers and non-lawyers across the firm, I was also immediately struck by RPC's collaborative and

the truth, at the time I was fascinated by Paris. This being said, I decided to accept the offer and give London a chance. I said to myself, let's give it a year, fast forward 10 years and I now think that my decision was the right one! I would say, it was a case of London finding me, rather than the other way round.

At the conference "Resolution of commercial disputes with the participation of parties from the CIS countries", which was held by the American Bar Association jointly with the RAA on September 18 in Moscow, you talked about bifurcation in arbitration. Why did you choose this topic?

In my experience, bifurcation often takes place in investor-state arbitrations involving Central Asian states, where a number of arguments are raised by the state on the illegality of investments, as part of the strategy "to kill" a claim at the outset of proceedings. Arbitrators often consider those allegations and may at the request of the party split the proceedings into two phases: "jurisdictional" and "on the merits". This, of course, involves a number of issues, whether such a decision was indeed founded, as "bifurcation", if unsuccessful, it would extend the proceedings by 2 years!

"I will move to London, I will dream about Moscow," says a verse by a Russian singer Grigory Leps. Do you dream about Moscow?

I was born and went to school in Moscow. I then studied at MGIMO. By default, Moscow will always be home and I will continue to dream about it, as the song says. On a personal level, I am proud of my home city and Moscow will always have a special place in my heart. At the same time, I have been in London for long enough now to feel "at home" here too. London is the hub for international disputes, and as such it is quite exciting to work here as an international disputes lawyer. That said, the nature of complex disputes work today is so international that lawyers can be based all over the world. Who knows where life will take me in another 10 years...

How is the work in an English law firm different from working in an American one?

Good question! It is hard to generalise, as it differs from law firm to law firm. What I really like

about RPC is their approach towards a healthy work/life balance and fostering a friendly/collaborative environment. I have also been impressed with the firm's support around career development. At RPC I feel valued not only as a "fee earner" but also as a human being. Also, it is probably not a disadvantage to be based in the firm's largest office and being close to the firm's centre of gravity.

You have represented Canadian mining companies in arbitrations against Kazakhstan. After that, have you been elected as a representative of a party from the CIS in arbitration?

Of course. I have been acting on a number of high profile arbitration cases (both investor-state and commercial) involving parties from CIS. I also sit as arbitrator on a number of commercial arbitration proceedings with parties from CIS.

Do you plan to combine the work in the new law firm with acting as an arbitrator?

I enjoy my work as an arbitrator as much as my work as a counsel. Acting as arbitrator involves different skill sets that require practice and continuous development. Hence, it is very difficult for young arbitration lawyers to get their first appointments. Having set as arbitrator on a number of cases I know how arbitrators think and what drives them into taking current decisions. Given this experience, my advice to your readers would be – be thoughtful who you pick as your arbitrator, a good arbitrator is a quasi-representative of a party within the tribunal.

How do you see the key tasks of your practice at RPC in the near future?

Naturally, I will continue to do what I am good at, namely look to secure interesting kind of work for my team and build new relationships. I am keen to continue to build on the solid foundation of RPC's strong litigation practice and open new doors for the firm with former Soviet Union countries as well as Eastern Europe and the Middle East.

ARBITRATING DISPUTES ARISING OUT OF SMART CONTRACTS

Robert Coffey
Managing Partner

Peter Stewart
Associate (Employed
Barrister)
Cooke, Young and
Keidan, London

What are smart contracts?

One of the most exciting aspects of distributed ledger technology (DLT)¹ is the development of so-called ‘smart contracts’. The term ‘smart contract’ encompasses several different concepts and it is therefore difficult to formulate a single, precise definition of what is meant by the term. Nevertheless, the essence of a smart contract is that it is self-executing. In other words, a smart contract will “*automatically execute certain tasks once pre-defined conditions are met, and the execution of which cannot be halted unless this possibility is contemplated by the relevant parties and embedded within the relevant computer code*”².

An analogy that is commonly drawn is that of a vending machine. The consumer selects the drink that he or she wishes to purchase by pressing a button on the outside of the machine. As soon as money is inserted into the machine, an irreversible transaction is initiated, whereby the consumer will automatically receive the drink selected and the money cannot be recovered. There are many contracts that operate according to a similar logic. One example that has been given is that of a flood insurance policy, linked to a feed of precipitation data, whereby once the data feed shows that precipitation has reached a certain level, the policy pays out³. Other examples might include contracts involving royalty payments, escrow agreements and mortgage contracts.

What are the advantages of smart contracts?

The primary advantage of smart contracts lies in the automation of execution and the increases in efficiency / reduction in costs that accompany such automation. If a smart contract runs correctly, there should be no need to involve the Courts or an arbitral tribunal in order to seek enforcement of the contractual terms because the terms are automatically enforced.

Automated contracts are not new. However, before the proliferation of DLT, both parties in practice needed to program their own computers, run separate instances of the program on their systems and code their own versions of the relevant

¹ *A distributed ledger is a database of replicated, shared, and synchronized digital data that is geographically spread across multiple sites in a network. Source: <https://medium.com/blockchain-review/whats-the-difference-between-blockchain-distributed-ledger-technology-19407f2c2216>.*

² *Public Consultation – the status of cryptoassets, distributed ledger technology and smart contracts under English private law, UK Jurisdiction Taskforce of the LawTech Delivery Panel, p. 30 (May 2019).*

³ <https://www.nortonrosefulbright.com/en/knowledge/publications/ea958758/arbitrating-smart-contract-disputes>.

provisions. This would be particularly necessary given that “one party might not be willing to rely on the other party’s code, and so each would code their own version of the relevant provisions”⁴. This not only involves a risk that two implementations of the code do not match, but may also allow for the possibility that one party could tamper with its version of the code after it had been switched on. In the absence of DLT, the other alternative for the parties would be to involve a third party to run the code, which would require both parties to trust that third party and would involve an extra layer of administrative burden and costs.

DLT allows the smart contract code to be embedded in the distributed ledger, such that one single version of the code exists that binds the parties and does not require the involvement of a trusted third party. Moreover, once the code has been switched on, “the parties can take comfort from the fact that...neither party can tamper with [it]”⁵.

Are Smart contracts actually contracts?

There are those who argue that ‘smart contracts’ are not contracts at all in any real sense, but are simply computer programmes which can be used to guarantee performance⁶. There is merit in this view, for no legal relationship exists in a vacuum. A smart contract will only be considered as a contract by a national court or arbitral tribunal if it possesses all the constituent elements of a contract under the relevant national law. In England and Wales, the Law Soci-

ety’s ‘LawTech Delivery Panel’ is to address whether or not English law considers that a smart contract is capable of giving rise to legally binding obligations in its Legal Statement to be released on 18 November 2019. The consultation paper provides that “this is likely to involve the application of established tests under English law for determining whether a binding legal contract arises. The concepts of offer, acceptance and consideration are likely to be relevant in this context”⁷.

The answer may, in fact, depend on the smart contract implementation in question. Whilst some smart contracts are written solely in computer code, others are written in computer code alongside a parallel natural language contract. It would be difficult to argue that a binding legal contract does not arise in circumstances where the computer code is supported by a natural language version. As one commentator has written, “at present, the only way we see to be sure that the output or performance of smart contract code has the force of legal obligation is to confer that legal binding effect by means of a more traditional legal contract that serves as a legal “wrapper” for the self-executing code”^{8,9}.

Disputes involving smart contracts

One of the misconceptions around smart contracts is that, because they self-enforce, there is no need to consider dispute resolution mechanisms because, quite simply, disputes will not arise. As the Chancellor of the High Court of England and Wales has said,

⁴ <https://www.isda.org/a/6EKDE/smart-contracts-and-distributed-ledger-a-legal-perspective.pdf> p. 9.

⁵ *Ibid.*

⁶ Cheng lim, T.J. Saw and Calum Sargeant, ‘Smart Contracts: bridging the Gap Between Expectation and Reality’

⁷ Public Consultation – the status of cryptoassets, distributed ledger technology and smart contracts under English private law, UK Jurisdiction Taskforce of the LawTech Delivery Panel, p. 31 (May 2019).

⁸ <https://talkingtech.cliffordchance.com/en/emerging-technologies/smart-contracts/are-smart-contracts-contracts.html>.

⁹ Since the date this article was written, the LawTech Delivery Panel has released its statement. In essence, the statement finds that smart contracts are in principle capable of satisfying the requirements of an English law legal contract, but whether those requirements are met will depend on the factual circumstances of the smart contract including the parties’ words or conduct. However, the LawTech Delivery Panel did not agree that a smart contract code would need a natural language serving as a legal ‘wrapper’ in order to have the force of legal obligation. The statement, relying on the principle that English law does not normally require contracts to be in any particular form, concludes that smart contracts existing purely in code are still capable of giving rise to binding legal obligations as long as the basic requirements for formation of a contract are met. A copy of the statement can be found here: <https://technation.io/about-us/lawtech-panel/>.

“many of the coders, who are developing the algorithms for smart contracts, tend to believe, everywhere – not just in the UK – that no legal basis is necessary because the answer to every dispute is built into the code”¹⁰. As a dispute resolution lawyer, it is not difficult to identify possible scenarios in which disputes may arise, including but not limited to:

1. One party may allege that the other party made a fraudulent and/or negligent misrepresentation as to the effect of the smart contract;
2. The code may not accurately reflect what the parties understood to be their agreement (e.g. common mistake of law or fact);
3. The smart contract could be void for illegality;
4. One party may not have legal capacity to enter into the smart contract (e.g. by being under the legal age);
5. The smart contract may contain coding errors meaning that it is not performed and/or is incorrectly performed.

In these cases, parties may well need to resort to a dispute resolution mechanism to remedy the position.

Arbitrating smart contract disputes

Arbitration has certain features that naturally lend it to resolving disputes arising out of smart contracts.

In the first place, smart contract disputes will often involve witness and expert evidence containing information that the parties wish to keep confidential relating to new technology and/or software. In many jurisdictions, including England and Wales, there is an implied duty of confidentiality on the parties, which can often mean that documents disclosed or used in the arbitration cannot be disclosed or used for any other purpose. This is likely to be an advantage to those parties who do not want their proprietary information to become public.

Secondly, as smart contracts using DLT operate via a distributed network of computers, it will often be difficult for a national court to make a determination as to whether or not it has jurisdiction to decide a dispute and/or what the governing law of the smart contract is (for example, by reference to common metrics such as place of performance). An agreement to arbitrate could eliminate this uncertainty and the risk of satellite disputes. An alternative approach may be to consider that, since smart contracts are inherently ‘delocalised’ in that they operate via a distributed network of computers, a ‘delocalised’ approach to smart contract arbitration is preferable, such that smart contract arbitrations should not be tied to any one national legal system.

Finally, depending on whether or not the parties have selected ‘on-chain’ or ‘off-chain’ arbitration, it may be possible for the award to benefit from an automated enforcement procedure (see below).

On-chain v off-chain arbitration

Broadly speaking, the possible approaches to arbitrating smart contract disputes fall into two camps, namely ‘on-chain’ and ‘off-chain’ arbitration.

On-chain

‘On-chain’ arbitration essentially involves the use of technological solutions by which the equivalent of a traditional arbitral award is automatically enforced by the smart contract. By way of example, “*this may be done...by the parties making available to the smart contract certain assets (e.g. cryptocurrencies) which, upon occurrence of a defined condition (issuance of an “award”), are transferred from one party to the other*”¹¹.

It is conceivable (although no such solution has yet been effectively implemented) that ‘on-chain’ arbitration could occur in an entirely robotised manner, without requiring the involvement of any action taken either by a third party or by the parties them-

¹⁰ <https://www.judiciary.uk/wp-content/uploads/2019/05/CHC-speech-LawTech-Smart-Contracts-and-Artificial-Intelligence.pdf> p. 2.

¹¹ <https://newtech.law/en/on-chain-and-off-chain-arbitration-using-smart-contracts-to-amicably-resolve-disputes/>.

selves. For example, it has been suggested that an “algorithm could resolve the dispute based on the analysis of similar transactions and disputes”¹². The reality, at least for the foreseeable future, is that there is not yet the technology to provide for an entirely automated system of arbitration, in which both the legal and technology communities can have confidence.

Perhaps a more realistic ambition in the short term is for a partially automated system. In this instance, the smart contract could again provide for the automatic transfer of assets to the other party upon the issuance of an award, but the award is not rendered by way of robotised algorithm, but rather by human arbitrators, following a traditional arbitral process involving the presentation of evidence and submissions, whose award could be fed back onto the blockchain and automatically executed. A number of ventures have emerged in recent years along similar lines, but are yet to garner widespread adoption¹³. At present, these solutions may find use in relation to simple contractual disputes, where the scope and nature of a possible arbitral award can be easily foreseen at the time that the smart contract is formulated. However, there is still some way to go before these solutions are likely to be implemented in more complicated contractual scenarios.

Off-chain

Off-chain arbitration is more akin to the ordinary arbitral process in that it lacks the automatic enforcement of the award. This leads to further complications because Article II of the New York Convention on the Recognition and Enforcement of Foreign Arbitral Awards 1958 requires an agreement to arbitrate to be “*in writing*”. It is uncertain whether an award issued pursuant to an arbitration agreement contained in the code of a smart contract would be capable of being enforced. This is perhaps another reason why parties should give serious consideration to whether or not to enter into a parallel natural language contract.

Moreover, given that smart contracts, once the relevant conditions are met, set in motion an irreversible transaction, arbitral tribunals may need to find creative remedies in their awards that are capable of resolving disputes fairly. It may be that such remedies would be facilitated by specialist smart contract arbitrators and a set of arbitral rules designed specifically to deal with smart contract disputes. Interestingly, adjudication procedures with specific rules designed to deal with technology disputes have been developed in recent months¹⁴.

Conclusion

It is plausible that, as blockchain technology continues to develop, smart contracts will become more and more widespread. It is vital that legal systems adapt in order to provide a proper legal foundation in which they can properly operate. This includes modern systems of dispute resolution and, given its obvious advantages, arbitration. The extent to which arbitration can become automated is, at present, unclear and may involve some trial and error over the coming years. What is clear, however, is that those involved in the technology sector and many of its investors, see the potential that automation based on DLT has for the international business community. The arbitration community should be wary not to lag behind.

¹² https://www.hoganlovells.com/~media/hogan-lovells/pdf/2018/2018_12_13_icc_robots_arbitrator.pdf p. 29.

¹³ See for example Kleros <https://kleros.io/whitepaper.pdf> and Mattereum <https://mattereum.com/services/>.

¹⁴ <https://www.scl.org/files/download/1836-SCL%20Adjudication%20Scheme%20Rules%20Version%201.pdf>.

MACHINE ARBITRATORS CHANGE THE RULES OF THE GAME

Veronika Pavlovskaya
Associate at Arzinger
& Partners (Belarus),
Chief Coordinator at
Young ADR – Belarus

The world we are living in becomes more and more sophisticated every day. One of the reasons for that is the development of technology. 20 years ago, it was impossible to believe a person would one day be able to fly without plane or parachute, yet this day came on 14 July 2019 when the French inventor Franky Zapata flew above the crowd on his Flyboard in Paris at the military parade on the National Day.

Neural networks analyze the photos we post on Facebook and Instagram and programs paint pictures, write novels and music. All these things have become a part of our reality.

Does technology influence arbitration? Yes, definitely! Online arbitration, video-conferencing, digital databases, analysis of court and arbitration practice and document constructors are used by the parties and arbitrators on a day-to-day basis. Arbitral institutions and professional organizations are also involved in the process: the ICC issued the Commission Report on Information Technology in International Arbitration¹ and the ICCA-NYC Bar-CPR Working Group published its draft of the Cybersecurity Protocol for International Arbitration.²

We have now reached the closest point for the discussion of the scariest arbitration, “what if”: what if the technologies do not only assist arbitration but make decisions and resolve disputes in arbitration? Is it in line with the existing principles? Does it allow the parties to enjoy their rights fully? Does it require any changes to be made to the existing arbitration laws and rules? In this article we will try to review these issues.

Does “pale, male and stale” become “electronic, modern and machine”?

Currently all attempts to increase the diversity in international arbitration relate to the breaking of the “pale, male and stale” paradigm, however, the diversity almost never considers the involvement of the machine arbitrators.

Arbitration rules do not explicitly provide the possibility for the parties to choose either a human or a machine arbitrator. Some of them (for example, the UNCITRAL Arbitration Rules and the ICC Arbitration Rules) have no stipulation that the arbitrator should be human, which theoretically makes it possible for the parties to nominate a machine arbitrator. At the same time the other rules, including the VIAC Arbitration Rules (Art. 16) and the Arbitration Rules of the International Arbitration Court at the BelCCI (IAC at the BelCCI; Art. 5),

¹ <https://iccwbo.org/publication/information-technology-international-arbitration-report-icc-commission-arbitration-adr>.

² https://www.arbitration-icca.org/media/10/43322709923070/draft_cybersecurity_protocol_final_10_april.pdf.

set that the arbitrator should be a person (or even a natural person) in full legal capacity. The Arbitration Rules of the IAC at the BelCCI go even further, as only “capable natural person possessing appropriate professional knowledge and necessary personal qualities” can be an arbitrator. It is quite challenging to value the professional knowledge and personal qualities of human arbitrators, and almost impossible to do it for machine arbitrators. Such knowledge and qualities are vitally important for the cases when fairness and justice depend on human understanding of the facts and the law and when there is a place for a precedent.³

One of the key principles of arbitration is impartiality and independence of arbitrators. It may seem that a machine arbitrator is the most impartial and independent thing because it depends exclusively on its own algorithm and has no empathy for any of the parties.

However, if we dive deeper, the machine arbitrator is a program applying artificial intelligence and machine learning (AI and ML) mechanisms. The program goes through a learning cycle where the program is taught to make decisions based

on the previous court and arbitration practice, upon the input of the developer. This means that the developer of such a machine arbitrator may influence the AI behaviour by providing relevant cases in favor of one of the parties (though in ideal world the machine arbitrator should learn itself having the access to information). In fact, this forms a kind of pre-disposition and makes such a machine arbitrator neither impartial nor independent.

If we imagine the balance is maintained while the machine arbitrator is “learning”, is there a technical possibility of having such an arbitrator in general? The answer is both yes and no. There are a few programs which may be used for a resolution of the disputes, for example, SmartSettle⁴ for negotiations, Ross⁵ which is the first AI-lawyer doing research and generating answers with the reasoning, Legalmation⁶ which generates early-phase answer to the claims within 2 minutes and Lex Machina⁷ and Case Cruncher Alpha⁸ which predict the potential outcomes of cases. However, currently none of these programs are universal for all types of disputes or able to replace a human arbitrator. However, some authors believe that the revolution of the AI by 2030 will have caused the “structural collapse” of law firms⁹, so we need at least 10 years to know the answer.

“Black mirror”: shall the arbitration clause reflect the machine arbitrator?

One may ask whether it is necessary to have the possibility of nominating the machine arbitrator in the arbitration agreement. Considering the absence of regulations for such arbitrators in different arbitration rules and guidelines, this would be a wise approach.

³ A. Panov, *Machine arbitration: will we be out of our jobs in 20 years?* <http://arbitrationblog.practicallaw.com/machine-arbitration-will-we-be-out-of-our-jobs-in-20-years/>.

⁴ <https://smartsettle.com>.

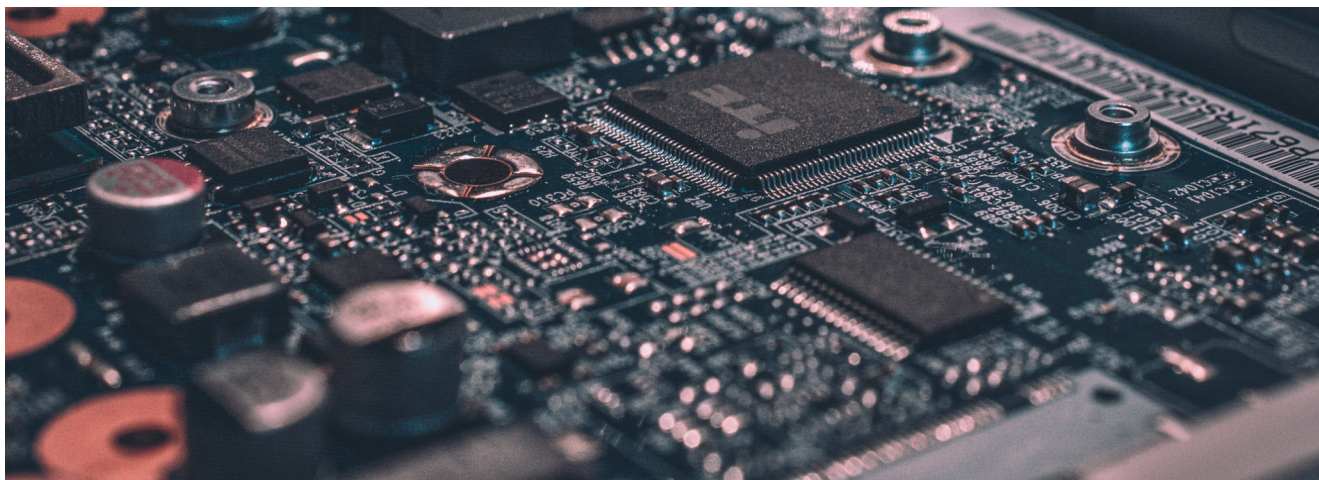
⁵ <https://rossintelligence.com>.

⁶ <https://www.legalmation.com>.

⁷ <https://lexmachina.com>.

⁸ <https://www.case-crunch.com>.

⁹ Report: artificial intelligence will cause “structural collapse” of law firms by 2030 <https://www.legalfutures.co.uk/latest-news/report-ai-will-transform-legal-world>.

Moreover, the arbitration agreement in this case shall determine the number of arbitrators, the interaction between human and machine arbitrators and the procedure for providing software-compliance in the case when there are two or more machine arbitrators. In addition, it might be useful to provide a reserve human arbitrator in case there are some technical issues with the machine arbitrator.

The possible arbitration agreement based on the ICC model arbitration clause and allowing machine arbitrators could be as follows:

All disputes arising out of or in connection with the present contract shall be finally settled under the Rules of Arbitration of the International Chamber of Commerce by one arbitrator appointed in accordance with said Rules. The parties may jointly nominate a machine arbitrator (the title of the program to serve as the machine arbitrator, if already agreed) and a reserve human arbitrator who should observe the arbitration proceedings and replace the machine arbitrator in case any irreparable technical problem arises. The IT point person¹⁰ shall observe the arbitration proceedings, test and ensure the proper functioning of the machine arbitrator, and, in case any technical problem arises, eliminate this problem or establish that this problem is irreparable. The seat of arbitration shall be Paris, France. The language of arbitration shall be English.

The arbitration clause for such potential disputes should be rather detailed, setting by default some

mechanism to overcome potential issues, especially at the early stages of testing of machine arbitrators in real life. Of course, the arbitration clause proposed above is not ideal, but it may be used as the basis for a more detailed regulation of the work with a definite machine arbitrator agreed upon by the parties.

“If not us, who? If not now, when?”: Kompetenz-kompetenz principle and machine arbitrator

One of the most fundamental principles of international arbitration is the competence of the tribunal to decide upon its own jurisdiction. Will it be an issue for a machine arbitrator to decide if the arbitration clause is valid, and is this particular program duly authorized by the parties to the dispute to resolve the case?

Apparently, yes, especially in the very first stages. If the issue is very simple, for example, the one related to the title of the arbitral institution, the decision may be taken by the system applying case-based reasoning and the previous practice of this institution.

However, when it goes about the scope of the disputes to be resolved by the machine arbitrator and

¹⁰ The term “IT point person” is provided in the Annex to the Commission Report on Information Technology in International Arbitration <https://iccwbo.org/content/uploads/sites/3/2017/03/icc-information-technology-in-international-arbitration-icc-arbitration-adr-commission.pdf>.

the precise powers of this arbitrator, it might cause some difficulties. In case, when analysis of the exact wording of the arbitration clause is not enough (if there is a need to establish the intentions of the parties through their correspondence and actions), the algorithm may not cover all the shades of human intent when concluding the contract, which would make the decision on jurisdiction fair and just. Thus, the cases with complex jurisdictional issues still require the involvement of a human arbitrator.

Lex arbitri for machine arbitrators

Another interesting issue related to the machine arbitrator is the issue of the seat of arbitration and, consequently, the issue of *lex arbitri*. Choosing the seat of arbitration in a “human” arbitration means choosing the law applicable to the procedure (if this law is not agreed upon by the parties). Everything is very simple when a human arbitrator comes to the seat of arbitration and renders the award there.

However, what about the machine arbitrator? If you go to the seat of arbitration with the access to interface with the machine arbitrator there, but its servers are physically hosted in another part of the world or even in the cloud, should you apply the laws of the country where the servers of the machine arbitrator are? Does it mean that the decision of such an arbitrator would always be rendered out of the seat of arbitration agreed upon by the parties?

We assume that the most reliable way to deal with this issue and to avoid any doubts is to agree upon the applicable law in the arbitration clause.

Enforce it if you can: award rendered by the machine arbitrator

Will the decision made by the machine arbitrator contradict the public policy of the state where

the award is to be enforced, in case when the national legislation of this state provides for human arbitrators? This may happen, because having a non-human arbitrator may be considered a violation of the principle of the resolution of the dispute by the appropriate court. For example, if the national legislation provides a for the resolution of the dispute by the natural person in full capacity, nominated by the parties upon their agreement or appointed in accordance with the procedure set for the resolution of the dispute (as it is provided by Art. 1 of the Law of the Republic of Belarus “On International Arbitration Court”; however, there is no such wording in the UNCITRAL Model Law), referring the case to the machine arbitrator may cause a violation of the public policy. Although these public policy issues have a very high probability of arising, they will be eliminated when the practice develops.¹¹

Therefore, you need to hold the investigation of the national legislation in the country where potential enforcement may take place and check, at least, the “humanity” of arbitrators in this jurisdiction.

They will be back, or instead of conclusion

AI in arbitration, and especially the machine arbitrators, is something that will draw our attention in the nearest future. It will challenge the existing rules and practice and challenge the arbitration practitioners all over the world, inviting all of us to develop as fast as the technology does. The only thing is required from us is to take on this adventure.

¹¹ J. W. Nelson, *Machine Arbitration and Machine Arbitrators* www.youngicca-blog.com/machine-arbitration-and-machine-arbitrators.

THE SCC PLATFORM

By Arbitration.ru

The Arbitration Institute of the Stockholm Chamber of Commerce launches the SCC Platform – a digital case management system for all cases administered by the SCC.

Lise Alm
Business Development Director at SCC

Digitalization and technical innovations are developing fast, and the legal industry is no exception. With increased complexity, cyber security concerns and data privacy rights there is an increased need for highly secure communication and file sharing in international arbitration. Digital communication and file-sharing tools continuously rank as one of the most wanted features in surveys by practitioners across the world. One of the first international arbitration institutions to respond to this demand is the Arbitration Institute of the Stockholm Chamber of Commerce (SCC), which launched the SCC Platform in September 2019.

The core of the SCC Platform is a file sharing function, where all case material can be uploaded. The material is organized based on the preference of the arbitrator and parties and it can be viewed on the Platform itself, downloaded or printed. It is also possible to search all material for keywords or phrases. In addition to file sharing, the platform contains a case calendar, overview of all participants

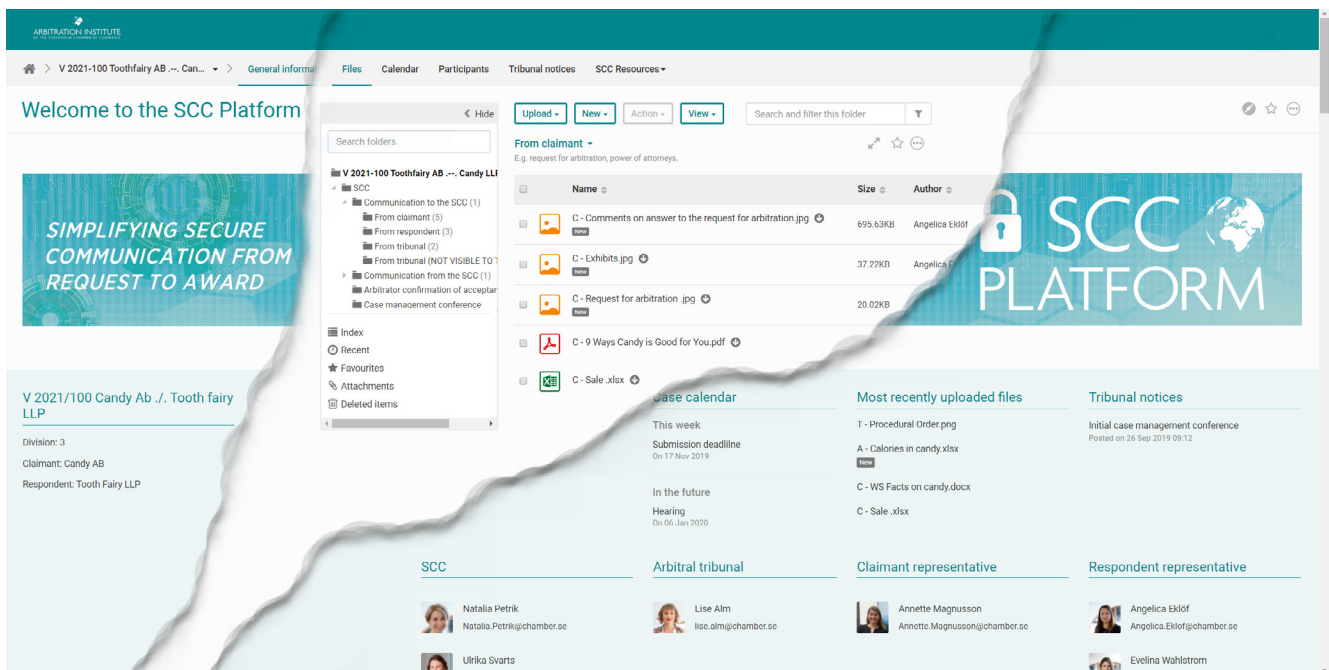
in the case, a notice board for tribunal and SCC notices, and a page containing a general overview of the proceedings.

Arbitration.ru asked Lise Alm, head of business development at the SCC, to describe the platform and why the SCC has chosen to offer this. *“This has been something we have wanted to offer for a long time. We see a strong need for a tool like this among the practitioners. It is also important to us to ensure that we can facilitate a smooth arbitration process and high cyber security for all parties,”* she explains. *“As a neutral third party and an institution, we have a unique position to be able to offer this type of solution. Also, it would be difficult for an individual arbitrator to offer. This is a way to increase the service level provided by the SCC, but it is also a way for us to ensure that we step up to the plate in terms of cybersecurity and digitalisation of arbitration at large.”*

All new arbitrations registered with the SCC are assigned a site on the SCC Platform and all communication with the SCC takes place on the platform. It is voluntary for the parties to use the platform for case communication beyond interactions with the SCC, but so far most parties have chosen to utilize the offer to use it for all case-related communications.

“Our users see many benefits with the platform,” says Lise Alm, *“it’s easy to navigate and use which saves time and costs in the administration of the case. It organizes all files in an easily navigable way, provides a smooth and secure way to share sensitive content and keep track of case deadlines and process. It also fulfils the tribunal’s archiving responsibility.”*

Access to the platform is included in the administration fee for all cases administered by the SCC. The access includes storage for most cases. Only in the largest, longest proceedings will the SCC charge a fee for additional storage beyond a certain limit. Lise Alm explains: *“The intention is that the fee will not be applicable in most cases, only in very large or document heavy cases. In the cases where the fee is*

applicable, the fee will aim only to cover the SCC additional cost.”

The SCC Platform is based on software provided by HighQ, a company in the Thomson Reuters group. HighQ provides a platform-based product targeting the legal industry and which is broadly used by law firms across the world. This is the first time the software has been tailored for use in arbitration. “Based on the functionality we needed and the level of security we required, HighQ was the only option for us,” explains Lise Alm. “And since we were first in adopting it for the specific needs of arbitration, we have spent a lot of time ensuring the system is relevant for our users.”

In addition to adopting the software to the arbitration process, the SCC worked with external consultants to ensure the security of all data and communication exchanged through the SCC Platform.

“Naturally this is a focus area for us, as cyber security is one of the main motivations behind the SCC Platform,” Ms. Alm says. “HighQ has numerous security features in place and a highly experienced team in charge of those features. This was a big reason why we chose to go with this particular software.”

The assessment of security was divided into several areas. One of the aspects the SCC evaluated when selecting the system was the user friendliness of the system. Ensuring a user-friendly user ex-

perience both in the HighQ software and the setup of the platform was not only a way to increase the attractiveness of the system, but also a security aspect. Many security breaches are based on human error and any system that is built in a way to minimize errors is also safer.

When it comes to the system’s technical security, in addition to assessing the system architecture and security features, SCC carried out so called penetration tests on the system, which means hiring consultants to try to “hack” into the system in order to detect any vulnerabilities. Other areas of security scrutiny concerned the physical storage and backup facilities, security and system access policies, and contractual and regulatory aspects.

Currently, the SCC is on a [world tour](#) to promote the platform and discuss the opportunities and challenges of digitalization and cybersecurity in arbitration. On October 9, the tour stopped by St Petersburg and on December 5, the SCC will talk more about these matters on the [Swedish Law Day](#) in Moscow.

“As part of the launch, we released [a short video](#) from the SCC confession cam where I talk about the platform. On the SCC World Tour, the first question I get is often about this video. It might be my big claim to fame in arbitration”, Lise Alm concludes with a big smile.

AUSTRIA – A TRUSTED PLACE OF ARBITRATION

On 9 October 2019 the conference AUSTRIA – A TRUSTED PLACE OF ARBITRATION took place at the Residence of the Austrian Ambassador in Moscow. The building, originally known as the Nikolay Mindovsky House, designed and built in 1906 in the neo-classic style, served as a splendid location.

Austrian Embassy

Ambassador Johannes Eigner

Commercial Counselor Rudolf Lukavsky

The conference was opened by the *Austrian Ambassador Johannes Eigner* and the *Austrian Commercial Counsellor Rudolf Lukavsky*.

The *Vice President of the Austrian Supreme Court, Matthias Neumayr*, held the key note speech “The Supreme Court - Guardian of Arbitration in Austria”.

Vice President of the Supreme Court of Austria Matthias Neumayr

Matthias Neumayr, who chairs the 18th specialised panel of the Supreme Court in charge of arbitrations with seat in Austria, described the court’s practice in proceedings on the setting aside of awards and on the challenge of arbitrators.

President of ArbAut Johannes Hock

Johannes Hock, *President of the Austrian Arbitration Association*, gave an overview over the “Austrian Arbitration Landscape” followed by a presentation of *Alice Fremuth-Wolf*, *Secretary General of VIAC*, on the proceedings under the Vienna Rules. Alice Fre-

muth-Wolf also discussed VIAC's newly obtained license as Permanent Arbitration Institution in Russia.

Secretary General of VIAC Alice Fremuth-Wolf

Austrian member of ICC court Gerold Zeiler

Gerold Zeiler, one of the two *Austrian members of the ICC Court*, explained proceedings with seat in Austria conducted under the ICC Rules.

Marko Szucsich, attorney and arbitrator in Vienna, gave a short insight into Austrian substantive law in the Russian language.

Finally, *Anne-Karin Grill*, attorney and arbitrator in Vienna, together with *Alisa Mitiaeva*, Head of the International Contracts Center at Severstal, presented to the audience their experience in a common case with VIAC hybrid-proceedings (Arb-Med-Arb).

Marko Szucsich

Anne-Karin Grill and Alisa Mitiaeva

The presentations were followed by a lively discussion during which the audience showed particular interest in the practice of the Austrian Supreme Court and VIAC's newly obtained license.

Among the guests were in-house counsel from numerous Russian enterprises, lawyers of Russian and international law firms, representatives of the Ministry of Justice and of Russian arbitration institutions.

The conference concluded with drinks and an Austrian buffet. The last guests left shortly before midnight.

18/03
2020

VII Annual RAA Conference

To be discussed:

1. Future of Arbitration (together with UNCITRAL):

- ◆ Investment Arbitration;
- ◆ Mediation and Singaporean Convention;
- ◆ UNCITRAL Arbitration Rules.

2. Arbitration Reform:

Is there the light at the end of the tunnel?

3. AI in IA (Artificial Intelligence in International Arbitration – myth or reality):

- ◆ Predicting the outcome;
- ◆ Selection of arbitrators;
- ◆ Estonian Experience in using AI in trial courts;
- ◆ Cybersecurity;
- ◆ Data Protection.

4. Members' meeting and Board members' election.

Venue: Moscow, Russia

МЕЖДУНАРОДНЫЙ АРБИТРАЖ 3.0: КАК ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ ИЗМЕНИТ РАЗРЕШЕНИЕ СПОРОВ

*Макси Шерер
профессор, советник
по особым вопросам,
WilmerHale, Лондон*

*Перевод Юрия Рыбака,
WilmerHale, Лондон
Литературная обработка
Татьяны Левицкой
и Дмитрия Артюхова*

В основу данной статьи положены тезисы вступительной речи, произнесенной профессором Шерер на Венских арбитражных днях в январе 2018 года и удостоенной награды GAR как лучшая лекция.

Название этой статьи — отсылка к книге Макса Тегмарка, шведско-американского физика и космолога, профессора Массачусетского технологического института, которую я недавно прочитала. В своей книге «Жизнь 3.0. Быть человеком в эпоху искусственного интеллекта», изданной в 2018 году, он описывает эволюцию человечества и последствия, которые влечет за собой появление искусственного интеллекта (ИИ).

Тегмарк разделяет жизнь как явление на три этапа:

- жизнь 1.0 — это начало жизни, когда около 4 млрд лет назад крошечные бактерии взаимодействовали с окружающей средой;
- жизнь 2.0 — современная стадия развития человечества. Мы взаимодействуем и, что важно, учимся у окружающей среды. Когда рождается ребенок, он не знает, как разговаривать, есть, играть в шахматы или быть юристом в международном арбитраже, но он может научиться всему этому и многому другому;
- жизнь 3.0 — ближайшее будущее.

Способность к обучению — вот главное, что делает жизнь 2.0 лучше жизни 1.0. Бактерия не может обучаться на протяжении своей жизни. Она развивается в течение тысяч и миллионов лет: бактерия, лучше адаптированная к окружающей среде, с большей вероятностью выживет и передаст свою ДНК потомкам. Это и есть эволюция, это работает, но занимает слишком много времени. Жизнь 2.0 превосходит жизнь 1.0, потому что она адаптируется к окружающей среде намного быстрее — не только посредством эволюции, но и посредством обучения.

Однако у жизни 2.0 есть и свои ограничения, которые Тегмарк называет «аппаратными». Синапсы в человеческом мозгу могут хранить информацию объемом около 100 Тб — это очень много, но все же недостаточно. Даже если стараться изо всех сил, мы не научимся играть в шахматы за два часа и не сможем изучить 400-страничное исковое заявление или запрос на предоставление документов в течение нескольких минут. Возможно, это способны делать компьютеры. И здесь мы подходим к жизни 3.0.

Жизнь 3.0 не имеет таких «аппаратных ограничений», как жизнь 2.0. Она может проектировать собственное оборудование, а следовательно, учиться намного быстрее и, вероятно, намного лучше, чем люди. Вычислительная мощность человеческого мозга примерно равна мощности оптимизированного компьютера,

который сегодня стоит всего пару сотен евро. Значит ли это, что мы находимся всего в нескольких шагах от признания превосходства искусственного интеллекта? Чтобы ответить на этот вопрос, нужно разобраться, что на самом деле означает ИИ.

Определение ИИ

Определений у ИИ множество — не меньше, чем посетителей на Венских арбитражных днях. Я выбрала всего два. Оксфордский словарь определяет ИИ как «историю и развитие компьютерных систем, способных выполнять задачи, обычно требующие человеческого интеллекта, такие как визуальное восприятие, распознавание речи, принятие решений и перевод с одного языка на другой»¹. Ученый Джон Маккарти — возможно, и придумавший термин «искусственный интеллект» — описывает его как способность «заставить машину вести себя так, чтобы это было названо разумным, если бы так вел себя человек»². Интересно, что оба определения используют в качестве ориентира человеческий интеллект. Они описывают ИИ в сравнении с «задачами, обычно требующими человеческого интеллекта» и «способами, которые можно было бы назвать разумными, если бы так себя вел человек».

Оксфордский словарь перечисляет ряд задач, где можно сравнить ИИ и человеческий интеллект. Среди них, например, «визуальное восприятие, распознавание речи <...> и перевод с языка на язык». За прошедшие годы мы пришли к выводу, что компьютеры обычно выполняют эти задачи лучше, чем люди. Они могут различить серию похожих изображений чихуахуа и черничных кексов за наносекунды, тогда как людям приходится прилагать для этого определенные усилия³.

Я использую функцию распознавания голоса на смартфоне, чтобы диктовать электронные письма и сообщения, когда я в дороге. И хотя я надеюсь в дальнейшем овладеть некоторыми языками лучше, чем программы перевода, я все равно не сумею понять столько же, сколько они.

Важно отметить, что список в Оксфордском словаре содержит еще одну область сравнения — «принятие решений». Вопрос, который мы обсуждаем сегодня, по сути таков: кто лучше принимает решения — компьютеры или люди?

Различают слабый и сильный ИИ⁴. Слабые программы ИИ имитируют человеческое мышление и суждения, фактически не имея их, в то время как сильные обладают способностью мыслить или рассуждать, используя не только заранее запрограммированные варианты.

Тезис о том, что компьютерные программы могут научиться учиться, не так легко понять. Хорошей иллюстрацией этому является видео о программе глубокого обучения DeepMind, в которой рассказывается, как играть в Atari Breakout, компьютерную игру 1970–1980-х годов⁵. Цель игры — отбить шарик (красную точку) у кирпичной стены (многоцветной полосы сверху), используя курсор (красную линию снизу), чтобы сломать кирпичи как можно быстрее.

В видео показаны три этапа обучения программы DeepMind тому, как играть. Важно отметить, что никаких предварительных данных об игре, о понятии «мяч» и способах его перемещения у компьютера не было. Все, что имелось у ИИ, — это задача максимизировать счет.

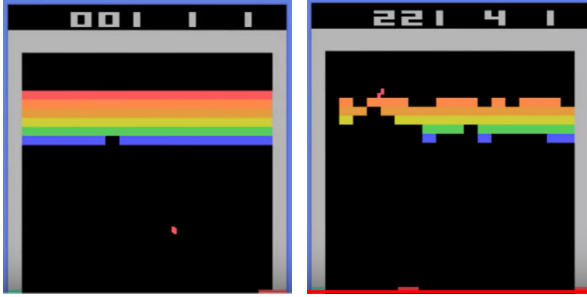
¹ URL: https://en.oxforddictionaries.com/definition/artificial_intelligence.

² Каплан Д. Искусственный интеллект: что нужно знать всем (2016).

³ Компьютерное зрение на основе машинного обучения изменит наш взгляд на мир. URL: <https://www.qualcomm.com/news/onq/2018/04/24/computer-vision-powered-machine-learning-will-change-way-we-see-world>.

⁴ Бен Ари Д. и др. «Опасность, Уилл Робинсон?» Искусственный интеллект в юридической практике: анализ и обоснование концептуального эксперимента. URL: http://jolt.richmond.edu/index.php/volume23_issue2_greenbaum.

⁵ Google DeepMind's Deep Q-learning Playing Atari Breakout. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=VTeYniJ0Rnk&vl=en>.

Через десять минут обучения DeepMind с трудом перемещает мяч, неуклюже используя курсор. Через два часа программа уже играет как эксперт, умело отбивая мяч на высокой скорости. И наконец, через четыре часа она находит оптимальное решение, позволяющее быстро набрать наибольшее количество очков: пробить туннель через кирпичную стену, чтобы мяч мог ударить по ней сверху, а не снизу.

Это то, что Стюарт Рассел из Калифорнийского университета в Беркли называл моментами «ЧВ!» — «черт возьми!». Даже будучи ученым-компьютерщиком, Рассел был озадачен и поражен увиденным, поскольку не ожидал, что это произойдет. По крайней мере, не в ближайшем будущем.

Эффекты ИИ

После попытки определить и понять ИИ и его формы позвольте мне перейти к последствиям, которые он имеет или может иметь для международного арбитража. Я буду рассматривать проблему с разных точек зрения: как юрист, как арбитр и как законодатель.

Взгляд юриста

Разработанный McKinsey онлайн-тест «Может ли робот отнять у меня работу?» позволяет любому желающему указать свою профессию и рассчитать вероятность его замены роботом⁶. Для юриста результат таков: «23% вашей работы может выполнять робот», эта профессия «безопас-

нее, чем 67,9% специальностей». Задачи юристов, которые, как предполагает тест, под силу роботам, включают «изучение соответствующих юридических материалов» и «подготовку юридических документов».

Действительно, есть несколько способов, с помощью которых технологии могут помочь юристам, практикующим международный арбитраж. Некоторые из этих технологий уже стали мейнстримом⁷.

Во-первых, инструменты для исследований на основе ИИ заполнили рынок. Я не хочу рекламировать конкретные марки или компании, но все эти инструменты основаны на больших данных в сочетании с мощными поисковыми системами. Можно задать поиск по запросу «определение арбитражного соглашения в соответствии с японским законодательством» или «последняя швейцарская судебная практика, касающаяся отказа от права на отмену арбитражных решений», и машина найдет соответствующую судебную практику, законодательные положения и научные статьи. Некоторые из этих программ включают инструменты глубокого обучения. Они будут постоянно улучшать свои результаты, запрашивая обратную связь после каждого исследовательского задания и участвуя на собственных ошибках. Некоторые разработчики утверждают, что их системы дают удовлетворительный ответ в 97% случаев. Такие инструменты могут сократить время на исследования, однако человеческий вклад все еще необходим и его нельзя недооценивать. Должен быть живой оператор, который знает, как использовать инструмент исследования, сможет задать правильный вопрос, сумеет проанализировать и интерпретировать результаты.

Во-вторых, обработка больших данных стала важным аспектом любого механизма разрешения споров, включая арбитраж. Здесь имеется в виду использование специальных программ для организации, анализа и обработки больших наборов данных, которые традиционные базы

⁶Джонсон Д. Узнайте, отберет ли робот вашу работу. URL: <http://time.com/4742543/robots-jobs-machines-work>.

⁷См., например, Лор С. ИИ делает юридическую работу. Но он не заменит юристов — пока. URL: <https://www.nytimes.com/2017/03/19/technology/lawyers-artificial-intelligence.html>.

данных не в силах «переварить». Такие программы применяются, например, в процессах электронного обнаружения данных. Они используют так называемое прогнозирующее кодирование, направленное на уменьшение количества не относящихся к делу документов, которые необходимо просматривать вручную. Леди Джастис Глостер, бывшая судья Апелляционного суда Англии и Уэльса и председатель рабочей группы по раскрытию информации в Соединенном Королевстве, на своей лекции в ноябре 2017 года отметила, что «предиктивное кодирование будет играть важную роль в судебных разбирательствах в коммерческих судах» Великобритании⁸. То же самое относится и к арбитражному разбирательству с использованием электронного обнаружения данных.

В-третьих, применение ИИ вероятно также в области прогнозирования результатов. Как часто клиенты просят вас оценить шансы на успех в том или ином споре? Мне сложно назвать точный процент, но компьютерные программы могут помочь. Канцлер Высокого суда Англии сэра Джеффри Вос упоминал о технологии прогнозов в недавней речи перед юридическим бизнес-сообществом во Франкфурте: «Технология прогнозирования для предсказания исхода споров <...> была впервые внедрена в США, но теперь она активно используется и в Европе. <...> Я полагаю, что она очень полезна для крупного бизнеса, потому что может определить наиболее вероятный результат будущего судебного разбирательства».

Однако действительно ли компьютерные программы в силах предсказать результаты споров? Недавние исследования показали, что да.

Например, в 2016 году исследовательская группа собрала все дела, рассмотренные Европейским судом по правам человека по ст. 3, 6 и 8 Европейской конвенции о правах человека⁹, разработала набор данных и предло-

жила компьютерной программе проанализировать этот массив. ИИ должен был отслеживать частоту, последовательность и кластеры слов, а затем присваивать им значимость по сравнению с результатом рассмотрения дела — было в итоге установлено нарушение соответствующего положения ЕКПЧ или нет. Программа искала взаимосвязи между словами, их последовательностями и кластерами, которые могли бы предсказать исход дела. Затем исследовательская группа применила программу к другим случаям, которые ранее не вводились в систему (то есть к тем, для которых ИИ не знал результата). Итоговая точность прогнозов составила 79%.

Второе исследование было проведено в 2017 году и касалось решений Верховного суда США¹⁰. Как и в первом случае, программе для обучения дали дела определенных лет, а затем попросили предсказать результаты на остальные годы. Показатель успеха оказался несколько ниже: ИИ угадал в 70% случаев. Но, хотя точность прогнозов в этом исследовании меньше, чем в предыдущем, впечатляет она сильнее: здесь анализ затрагивал все отрасли права, по которым Верховный суд США принимает решения, — гораздо более широкую сферу, чем конкретные правовые вопросы ст. 3, 6 и 8 Европейской конвенции о правах человека.

Коммерческие программные средства для прогнозирования исхода дел уже применяются во многих областях, в том числе в спорах об интеллектуальной собственности, спорах по трудовому праву и т.д.¹¹ Но я не знаю ни одной технологии, которая бы использовалась в международном арбитраже. Одним из очевидных препятствий является конфиденциальность: получить доступ к решениям международного арбитража намного сложнее, чем к решениям Европейского суда по правам человека или Верховного суда США. Это затрудняет обучение

⁸ Данная лекция еще не опубликована. В тексте приведена цитата из заметок, сделанных автором.

⁹ Алетрас Н. и др. Прогнозирование судебных решений Европейского суда по правам человека: перспектива обработки естественного языка (2016).

¹⁰ Мухед Р. Юристы обучаются прогнозированию. URL: <https://lawyerwatch.wordpress.com/2017/01/19/lawyers-learning-about-prediction>.

¹¹ Селлан-Джонс Р. Адвокаты-роботы уже здесь, и они выигрывают. URL: <https://www.bbc.co.uk/news/technology-41829534>.

программы эффективно прогнозированию результатов. Данное ограничение распространяется на международный коммерческий арбитраж, но в меньшей степени относится к инвестиционному арбитражу, где решения публикуются чаще.

Взгляд арбитра

Изучение возможности программ точно прогнозировать результаты дел приводит к более фундаментальному вопросу о том, могут ли лица, принимающие решения (то есть судьи или арбитры), быть эффективно заменены ИИ. Кроме препятствия в виде конфиденциальности решений (а значит, сокращенных наборов данных), о котором я уже упоминала, существуют и другие трудности. Международные арбитражные дела, как правило, сложные, изобилуют фактами и регулируются различными применимыми законами. Из-за неповторяющегося характера международного арбитражного разбирательства я по-прежнему скептически отношусь к идее замены международных арбитров искусственным интеллектом в ближайшее время¹².

Есть и иные, возможно более философские, вопросы. Предположим, ИИ сможет в итоге решать международные арбитражные дела. Будет ли это хорошо? Станут ли программы принимать решения лучше, чем люди? Здесь можно привести несколько аргументов в пользу превосходства ИИ над человеком.

Во-первых, программы рациональны, а люди нет. В одном интересном исследовании группа израильских ученых рассматривала случаи условно-досрочного освобождения в уголовном праве и пыталась проанализировать, что повлияло на решение судьи¹³. Из многих факторов один оказался чисто иррациональным: имело значение, принято решение до или после обеденного перерыва. До обеда судья был голоден и с большей вероятностью отказывал в ходатайстве, зато

после обеда, сытый, чаще его удовлетворял. ИИ не испытывает голода и не имеет никаких чувств или эмоций, а значит, не подвержен влиянию иррациональных факторов при принятии решений.

Во-вторых, программы ИИ более беспристрастны. Растет число исследований по психологическим аспектам принятия решений и влиянию бессознательных когнитивных искажений. Одним из наиболее известных когнитивных искажений является так называемый эффект привязки, описанный Даниэлем Канеманом, лауреатом Нобелевской премии, известным своими работами по психологии принятия решений.

Канеман вместе с коллегой Амосом Тверски и студентами изучал этот эффект в серии экспериментов¹⁴. В первом эксперименте группу людей попросили вспомнить возраст, в котором умер Махатма Ганди. Респонденты в среднем назвали 75 лет. Во втором эксперименте другую группу людей разделили на две подгруппы. Одной подгруппе задали вопрос, был ли Ганди на момент смерти старше или моложе 144 лет. Практически все ответили, что он был моложе. Затем испытуемым задали тот же вопрос, что и в первом эксперименте, — и средний возраст Ганди в их ответах вырос (относительно 75 лет, названных первой группой). В другой подгруппе спросили, был ли Ганди на момент смерти старше или моложе 35 лет. Практически все сказали, что он был старше. Затем и этой подгруппе был задан вопрос о возрасте, в котором Ганди умер, — и, как вы уже догадались, среднее значение оказалось ниже, чем в первом эксперименте (то есть меньше 75).

В последних двух случаях наглядно продемонстрирован эффект привязки: первое названное число (144 года или 35 лет) влияет на последующую оценку. Это когнитивное искажение, которое проявляется, когда мы рассматриваем конкретное значение неизвестной величины перед оценкой такой величины.

¹² Вышеупомянутый онлайн-тест оценивает риск быть замененным роботом для «арбитров, медиаторов и примирителей» всего в 11%. Задачи, которые робот может здесь выполнять, включают «приведение участников судебного процесса к присяге, подготовку юридических документов, изучение соответствующих юридических материалов, чтобы помочь принятию решений».

¹³ Бенфарадо А. Может ли наука спасти правосудие? 101 (2) *Judicature* 24, 26 (2017).

¹⁴ Канеман Д. *Думай медленно, решай быстро* (2013).

Описанные психологические эффекты заставляют задуматься о процессе принятия решений судьями и арбитрами. Заявляя в исках о возмещении убытков значительные суммы, увеличивают ли истцы шансы на взыскание больших денежных средств? Это тема для размышлений. В любом случае у ИИ нет когнитивных искажений — по крайней мере, таких, которые есть у людей¹⁵.

Однако существует и множество аргументов против использования искусственного интеллекта для вынесения решений. Первый возможный контраргумент, который пришел мне в голову при исследовании этой темы, был следующим: программы-судьи опасны, потому что могут дать слишком большую власть программистам. Ведь именно программисты определяют начальные алгоритмы, на основе которых ИИ будет выносить решения. Словом, тот, кто прописывает алгоритм, определяет и исход дела.

Если задуматься, этот аргумент кажется не совсем точным в свете различия между слабым и сильным ИИ, который мы обсудили ранее. Сильный ИИ фактически подразумевает, что программа учится сама. Например, программа DeepMind не знала, как играть в Atari Breakout, но самостоятельно научилась это делать. Таким образом, в исследованиях о решениях Европейского суда по правам человека и Верховного суда США не программисты задали алгоритм «если X случается, то результатом решения является Y». Скорее, сама программа описала выводы, которые она будет делать из определенных находок в решениях (например, кластеров слов), и оценила значение, которое она придаст своим находкам при прогнозировании результата. Ни один программист не указал этого заранее.

Из сказанного, однако, вытекает второй, возможно даже более сильный, аргумент против искусственных арбитров. Никто не знает, почему и как ИИ приходит к своим ответам. Какие выводы делает программа, чтобы с 80%-ной точностью предсказать решение Европейского суда по правам человека? Мы не знаем наверняка. ИИ основывает прогноз на анализе предыдущих решений, появлении определенных слов или совокупности слов, но никто не может объяснить подробно, как именно это происходит.

В интересной, но не менее тревожной статье «Можно ли научить ИИ объяснять себя?», опубликованной в New York Times, программисты описывают проблемы, с которыми они сталкиваются, пытаясь обосновать некоторые результаты ИИ¹⁶. Среди прочего, там рассказывается об эксперименте, в котором людей и компьютерные программы просили угадать сексуальную ориентацию людей, изображенных на фотографиях. Выяснилось, что люди дали верные ответы в 60% случаев, а ИИ — в 91% случаев для мужчин и в 83% — для женщин. Ученые так и не смогли понять, как программа достигла столь впечатляющего результата.

Этот пример наглядно показывает, что ИИ, возможно, способен делать точные прогнозы, но он не сможет объяснить (по крайней мере, людям), как и почему он достиг определенного итога. Однако обоснование является одной из основополагающих характеристик процесса принятия решений и в национальных судах, и в арбитражных трибуналах. Причины позволяют проигравшей стороне понять, почему она проиграла, и тем самым сделать решение более приемлемым. Причины помогают сторонам изменить свое поведение в будущем. Наконец, обоснованное решение, в случае его опубли-

¹⁵ Вопрос о том, являются ли компьютерные решения беспристрастными, — другой, более сложный вопрос. См., например: Кудд С. Т. Когнитивные искажения в использовании компьютерных систем поддержки принятия решений (1989). Растет беспокойство тем, что ИИ на самом деле изучает предубеждения человека и, возможно, даже повторяет их. См. Девлин Х. Программы ИИ демонстрируют расовые и гендерные предубеждения, URL: <https://www.theguardian.com/technology/2017/apr/13/ai-programs-exhibit-racist-and-sexist-biases-research-reveals>; Найт У. Забудьте про роботов-убийц: предвзятость — вот реальная опасность для ИИ, URL: <https://www.technologyreview.com/s/608986/forget-killer-robots-bias-is-the-real-ai-danger>.

¹⁶ Куанг К. Можно ли научить ИИ объяснять себя? URL: <https://www.nytimes.com/2017/11/21/magazine/can-ai-be-taught-to-explain-itself.html>.

кования, дает другим трибуналам возможность следовать тому же обоснованию или объяснять свое отклонение от предыдущего прецедента.

Тот факт, что искусственные арбитры не смогут указать причины своих решений, а значит, не выполняют фундаментальные требования правосудия, заставляет меня скептически относиться к идее о том, что ИИ в ближайшее время заменит людей, принимающих решения. Скорее, я могу представить, как такие люди могли бы использовать программы для облегчения принятия решений¹⁷.

Взгляд законодателя

Принимая во внимание точку зрения законодателей или других политиков, вы можете спросить себя, чем ИИ будет для них полезен.

Давайте посмотрим на еще одно интересное исследование 2016 года, в котором группа ученых пыталась с помощью компьютерной программы разработать международное инвестиционное соглашение. Исследователи исходили из того, что соглашения, составленные компьютером на основе мировой практики, могли бы выровнять асимметрию полномочий между государствами с сильными переговорными возможностями/опытом и государствами с меньшими возможностями/опытом¹⁸.

В качестве набора данных использовались 1682 англоязычных двусторонних инвестиционных соглашения. Программа была обучена определять нормы передовой практики. Результаты исследования оказались неоднозначными. С одной стороны, ИИ хорошо имитировал отдельные положения международных инвестиционных

соглашений: пункты, предложенные компьютером, практически не отличались от действующих норм. С другой стороны, программа плохо справлялась с составлением документа в целом. Подготовленные ИИ проекты международных инвестиционных соглашений содержали повторяющиеся пункты, в то время как ряд существенных положений отсутствовал, а последовательность пунктов была неудовлетворительной. Итак, все приведенные выше исследования показывают пределы возможностей ИИ. Без сомнения, тема искусственного интеллекта будет интриговать нас еще долгие годы.

¹⁷ Интересно, что некоторые законы об арбитраже прямо требуют, чтобы арбитры были людьми. Например, во Франции ст. 1450 Гражданского процессуального кодекса предусматривает третейские арбитражи: «Только физическое лицо, обладающее полной способностью осуществлять свои права, может выступать в качестве арбитра». Однако это положение применимо к третейскому, а не к международному арбитражу. См. также ст. 1023 Гражданского процессуального кодекса Нидерландов («Любое физическое лицо, обладающее дееспособностью, может быть назначено арбитром»), ст. 13 испанского закона об арбитраже («Все физические лица, полностью владеющие своими гражданскими правами, могут выступать в качестве арбитров при условии, что они не ограничены применимым к ним законодательством при осуществлении своей профессии»); подп. 1 п. «В» ст. 7 турецкого закона о международном арбитраже («В качестве арбитров могут быть выбраны только физические лица»).

¹⁸ Альшнер В., Скугаревский Д. Составление карты вселенной международных инвестиционных соглашений. URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=2801608.

ВОЗМОЖНОСТЬ ПРИМЕНЕНИЯ ОНЛАЙН-АРБИТРАЖА (НА ПРИМЕРЕ НЕКОТОРЫХ СТРАН ПОСТСОВЕТСКОГО ПРОСТРАНСТВА)

АБ «Лекс Торре», Минск

Александр Храпуцкий
партнер

Валерия Сильченко
юрист

Технологии изменяют не только способ нашего общения, они также влияют на способ выражения несогласия и способ разрешения споров... Технологии также меняют ожидания людей относительно того, как должны быть разрешены споры.
Колин Рул. Технологии и будущее разрешения споров¹

Объем трансграничных коммерческих сделок, совершаемых в электронной форме, неумолимо растет из года в год. Так, в 2016 году впервые была заключена крупная внешнеэкономическая сделка с использованием технологии блокчейна². Объективно стороны таких сделок нуждаются в быстром, эффективном, экономически выгодном и качественном разрешении возникающих между ними споров.

За последние несколько десятилетий арбитраж стал ведущим способом разрешения споров в сфере международной торговли и иной международной экономической деятельности — об этом заявили 97% респондентов, опрошенных в ходе глобального исследования, проведенного Лондонским университетом королевы Марии (Queen Mary University of London) и международной юридической фирмой White & Case в 2018 году³.

Во многих странах тенденцией становится стремление оптимизировать процедуру разрешения споров, в том числе за счет предоставления сторонам новых технологических возможностей для использования последних достижений электронного документооборота, что, в свою очередь, существенно влияет на практику мировых арбитражных учреждений по активному использованию технологий удаленной коммуникации, а именно применению всех преимуществ электронного правосудия в арбитраже.

Процедуры урегулирования споров онлайн получили широкое распространение в США, особенно в случае споров, касающихся распределения доменных имен. Наглядным примером таких процедур является Политика разрешения споров в области доменных имен (Uniform Domain Name Dispute Resolution Policy, UDRP), разработанная международной некоммерческой Корпорацией по управлению доменными именами и IP-адресами (Internet Corporation for Assigned Names and Numbers, ICANN). UDRP представляет собой прозрачный глобальный процесс онлайн-регулирования споров, который позволяет владельцам торговых марок эффективно бороться с регистра-

¹ Rule C. Technology and the Future of Dispute Resolution. Dispute Resolution Magazine, Winter 2015, p. 4.

² URL: <https://www.vedomosti.ru/finance/news/2016/09/08/656254-pervaya-blockchain>.

³ URL: [http://www.arbitration.qmul.ac.uk/media/arbitration/docs/2018-International-Arbitration-Survey---The-Evolution-of-International-Arbitration-\(2\).PDF](http://www.arbitration.qmul.ac.uk/media/arbitration/docs/2018-International-Arbitration-Survey---The-Evolution-of-International-Arbitration-(2).PDF).

цией доменных имен в недобросовестных целях. По данным этой организации, компании, использующие такую технологию, добились успеха более чем в 30 тыс. споров по поводу доменных имен⁴. Одним из первых стал «Виртуальный магистрат» (Virtual Magistrate), созданный при поддержке Американской арбитражной ассоциации. Вынесение «Виртуальным магистратом» 8 мая 1996 года решения по спору после взаимодействия с его сторонами исключительно при помощи электронных коммуникаций считается первым случаем применения онлайн-арбитража. В Российской Федерации проект онлайн-платформы для разрешения споров предложила Ассоциация участников по содействию в развитии третейского разбирательства (далее – Арбитражная ассоциация).

Технологии создают преимущества: комфорт, повышение качества и уменьшение затрат. На сегодняшний день технологии уже имплементируются: так, переписка между участниками арбитражного разбирательства (сторонами, арбитрами, секретариатом) может вестись по электронной почте; процессуальные бумаги и доказательства подаются в электронной форме⁵; организационные совещания проводятся посредством телефонных или видеоконференций; протоколы слушаний зачастую ведутся с использованием различных систем, которые позволяют участникам процесса видеть стенограмму в реальном времени. В отдельных странах мира постепенно получает распространение раскрытие электронных доказательств (e-discovery)⁶.

73% участников вышеуказанного глобального исследования, проведенного Лондонским университетом королевы Марии, сообщили,

что они «всегда» или «зачастую» пользуются «технологиями комнаты для проведения слушаний», отметив, что «более активное использование технологий в арбитраже означает более эффективный арбитраж». Респонденты подчеркнули, что одним из наиболее заметных преимуществ технологий, которое уже широко используется в международном арбитраже, является возможность проводить слушания и встречи с помощью видеоконференций или любых других средств связи, которые не требуют физического присутствия⁷.

Зарубежные арбитражные учреждения начинают внедрять и использовать онлайн-площадки для обмена информацией и коммуникаций между сторонами при администрировании арбитражных разбирательств. Так, с 1 октября 2014 года новый арбитражный регламент Лондонского международного третейского суда (LCIA) предусмотрел возможность обмена документами в электронной форме и использования готовых шаблонов, размещенных на сайте LCIA, в том числе просьбы об арбитраже⁸; с 2018 года подобные электронные системы работают в Венском международном арбитражном центре (VIAC)⁹ и в Международном арбитражном центре Гонконга (HKIAC)¹⁰, в сентябре 2019 года Арбитражный институт Торговой палаты г. Стокгольма (SCC) запустил коммуникационную платформу, посредством которой все участники разбирательства могут сгружать, просматривать, скачивать и распечатывать файлы дела, а также следить за процессуальным календарем.

Современный арбитраж критикуют по двум основным направлениям: стоимость и длитель-

⁴ URL: <https://www.icann.org/resources/pages/help/dndr/udrp-en>.

⁵ Пункт 2 ст. 3 Арбитражного регламента ICC 2017 года, п. 1 ст. 4 Регламента LCIA.

⁶ Подпункт «а» п. 3 ст. 3 Правил Международной ассоциации юристов по получению доказательств в международном арбитраже 2010 года; ст. 4.7 Правил эффективной организации процесса в международном арбитраже (Пражских правил).

⁷ URL: [http://www.arbitration.qmul.ac.uk/media/arbitration/docs/2018-International-Arbitration-Survey---The-Evolution-of-International-Arbitration-\(2\).PDF](http://www.arbitration.qmul.ac.uk/media/arbitration/docs/2018-International-Arbitration-Survey---The-Evolution-of-International-Arbitration-(2).PDF), p. 32.

⁸ Статьи 1.2, 1.3 и 2.3 Арбитражного регламента LCIA.

⁹ Арбитражный регламент VIAC 2018 года среди прочих нововведений предусматривает администрирование арбитражных дел в электронном виде (ст. 7, 12 и 36).

¹⁰ Согласно п. «е» ст. 3.1 Арбитражного регламента HKIAC, стороны могут договориться о подаче документов посредством защищенной онлайн-платформы – новшество, предусмотренное Арбитражным регламентом HKIAC 2018 года.

ность разбирательств. В арбитраже могут рассматриваться как очень сложные споры, так и достаточно простые (принято считать до 1 млн долл.). Именно для последней категории споров будет интересным проведение арбитражного разбирательства посредством онлайн-арбитража. Более того, онлайн-арбитраж удобен для простых споров (поставка — неоплата), когда нет необходимости проведения слушаний и возможно оперативное рассмотрение спора на основании только документов, что также способствует интересам потребителей арбитража.

Термин «онлайн-арбитраж» имеет несколько значений, однако все они предполагают арбитражное разбирательство, проводимое с использованием технологий удаленной коммуникации между участниками процесса¹¹. Однако, как отмечается в юридической литературе, для того, «чтобы онлайн-разбирательство было признано арбитражным, оно должно содержать все признаки арбитражного разбирательства: арбитражное соглашение, наличие арбитров (арбитра), назначаемых сторонами», и, самое главное, обязательное для исполнения решение¹².

Выделяют две разновидности онлайн-арбитража:

- онлайн-арбитраж в сфере электронной коммерции;
- арбитражное разбирательство с использованием онлайн-коммуникаций.

Предметом данного исследования является анализ возможности арбитражного разбирательства с использованием онлайн-коммуникаций. Оценка возможности онлайн-арбитража в сфере электронной коммерции не входит в предмет настоящего исследования.

Сегодня уже создано множество онлайн-платформ для разрешения споров онлайн: ADR.eu, eCourt, ZipCourt ICANN, <http://mylawbc.com/>, <http://modria.com/>, <http://www.civilresolutionbc.ca/> и др. Технологии оказывают

значительное влияние и в то же время упрощают арбитражный процесс. Более того, эти нововведения делают арбитраж привлекательным и для компаний среднего и малого масштабов, которые зачастую отказываются от разрешения споров посредством арбитража ввиду его высокой стоимости, географической удаленности и соответствующих транспортных затрат. Теперь такие компании могут разрешать споры с международными корпорациями посредством арбитража.

Однако кроме плюсов есть и минусы. Например, возникает вопрос о применении принципов международного коммерческого арбитража к арбитражу онлайн. Одни юристы полагают, что традиционные методы и принципы не следует переносить на процедуру онлайн-арбитража¹³, другие придерживаются мнения, что арбитраж онлайн не может сохранить свою эффективность без традиционных принципов и требований, таких как встреча сторон face-to-face¹⁴.

Особое внимание необходимо обращать на вопросы совместимости программного обеспечения и компьютерного оборудования, вопросы электронного обмена документами, защиты аутентичности электронных документов, сохранения конфиденциальности.

Для использования арбитража онлайн следует оценить:

- действительность арбитражного соглашения, заключенного посредством переписки по электронной почте (вопрос формы арбитражного соглашения);
- процедурные аспекты (в частности, уведомления сторон);
- форму арбитражного решения, вынесенного посредством онлайн-арбитража;
- исполнимость решений.

За рубежом исследования на тему онлайн-арбитража проводятся уже не одно десятилетие, однако в странах постсоветского про-

¹¹ Панов А. А. *Онлайн-арбитраж: проблемы, решения, перспективы // Новые горизонты международного арбитража. Вып. 2: сб. ст. / Под ред. А. В. Асоскова, А. И. Муранова, Р. М. Ходыкина. — М.: Инфотропик Медиа, 2014. — С. 111–153.*

¹² Наринян В. В. *Процессуальная составляющая и иные проблемы международного коммерческого арбитража.*

¹³ De Sylva, M. O. *Effective Means of Resolving Distance Selling Disputes, 2001, 67 Arbitration, pp. 230–239.*

¹⁴ Berger K. P. *Lex Mercatoria Online: The CENTRAL Transnational Law Database at www.tldb.de, 2002, Arbitration International, No. 1, pp. 83–94.*

странства он пока изучен недостаточно. Ниже мы проанализируем возможность применения онлайн-арбитража на примере таких постсоветских стран, как Российская Федерация, Беларусь, Азербайджан, Армения, Грузия, Казахстан, Киргизия, Латвия, Литва, Молдова, Таджикистан, Туркменистан, Узбекистан и Украина.

Форма арбитражного соглашения

Пункт 1 ст. II Конвенции о признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений 1958 года (далее – Нью-Йоркская конвенция) указывает на письменное соглашение сторон о передаче споров в арбитраж. При этом п. 2 ст. II Нью-Йоркской конвенции определяет, что термин «письменное соглашение» включает арбитражную оговорку в договоре или арбитражное соглашение, подписанное сторонами или содержащееся в обмене письмами или телеграммами.

Исходя из ч. 2 ст. 11 Закона Республики Беларусь «О международном арбитражном (третейском) суде», арбитражное соглашение может считаться заключенным в письменной форме, если имел место обмен сообщениями с использованием любых средств связи, обеспечивающих письменное фиксирование волеизъявления сторон. При этом новая редакция Гражданского кодекса Республики Беларусь устанавливает, что письменная форма считается соблюденной при направлении документа в электронном виде (в том числе электронного документа).

Установление такого законодательного регулирования направлено на «внедрение в государстве электронного документооборота для определения дополнительных легальных механизмов удаленного взаимодействия участников бизнес-процессов, повышения эффективности и оперативности принятия решений, устранения излишних барьеров при налаживании деловых

связей и создания тем самым благоприятных условий для осуществления хозяйственной и иной деятельности»¹⁵.

Следовательно, в Республике Беларусь формулировка письменного соглашения отвечает уровню развития коммуникационных технологий, применяемых в международной торговле, и позволяет признавать арбитражное соглашение, заключенное в письменной форме, даже когда его пересылка осуществлялась через электронные сообщения.

После третейской реформы 2016 года на законодательном уровне в Российской Федерации были закреплены формы фиксации арбитражного соглашения, которые отвечают тенденциям делового оборота. Так, арбитражные соглашения могут быть заключены в электронной форме¹⁶.

Раздел II ст. 7 Закона Республики Азербайджан «О международном арбитраже» для рассмотрения арбитражной ссылки в качестве арбитражного соглашения требует, чтобы договор обязательно был заключен в письменной форме¹⁷. Само арбитражное соглашение считается заключенным в письменной форме, если оно содержится в документе, подписанном сторонами, или заключено путем обмена письмами или по телетайпу, телеграфу либо с использованием иных средств электросвязи, обеспечивающих фиксацию такого сообщения, и другая сторона против этого не возражает.

Закон Республики Армения «О коммерческом арбитраже» разрешает заключение соглашения только в письменной форме¹⁸.

Интересная норма содержится в грузинском арбитражном законодательстве: письменная форма считается соблюденной, если арбитражное соглашение заключено путем электронного сообщения, при условии что данная в сообщении информация доступна для ее дальнейшего использования¹⁹.

¹⁵ Абзац 3 подп. 1.2 п. 1 решения Конституционного суда от 10 июля 2018 года № Р-1140/2018.

¹⁶ Пункт 4 ст. 7 Закона Российской Федерации от 7 июля 1993 года № 5338-1 «О международном коммерческом арбитраже».

¹⁷ Статья 7 Закона Республики Азербайджан от 18 ноября 1999 года № 757-ІГ «О международном арбитраже».

¹⁸ Статья 7 Закона Республики Армения от 25 декабря 2006 года № ЗР-55 «О коммерческом арбитраже».

¹⁹ Статья 8.5 Закона Грузии от 19 июня 2009 года № 1280-Іс «Об арбитраже». Данная норма не распространяется на форму арбитражного соглашения, одной из сторон которого является административный орган или физическое лицо. В таком случае требуется физический документ, подписанный сторонами (ст. 8.8).

Арбитражное законодательство Казахстана²⁰ требует соблюдения письменной формы арбитражного соглашения. Закон Республики Казахстан «Об арбитраже» не воспринял в полном объеме рекомендованные формулировки Типового закона ЮНСИТРАЛ о международном торговом арбитраже в редакции 2006 года. Закон «Об арбитраже» считает письменную форму арбитражного соглашения соблюденной при наличии арбитражной оговорки в документе, подписанном сторонами, либо при обмене письмами, телеграммами, телефонограммами, факсами, электронными документами или иными документами, определяющими субъектов и содержание их волеизъявления (п. 1 ст. 9).

Что касается формы арбитражного соглашения согласно Закону Республики Киргизия «О третейских судах в Кыргызской Республике»²¹, то законодательство страны в этой части подчиняется положениям ст. II Нью-Йоркской конвенции.

Интересно, что Закон Латвии «О третейских судах» ввел строгие условия относительно письменной формы арбитражного соглашения. Так, ч. 2 ст. 12 этого закона предусматривает, что «письменным договором также считается соглашение, заключенное путем обмена сторонами почтовыми отправлениями или с использованием электронных средств связи, обеспечивая, что воля сторон к передаче уже возникших или возможных гражданско-правовых споров на рассмотрение в третейский суд фиксируется надежной электронной подписью»²². Следовательно, если стороны заключают договор с арбитражной оговоркой в электронном виде, он обязательно должен быть подтвержден электронной подписью.

Основное требование к форме арбитражного соглашения в Литовской Республике —

оформление в письменном виде. Таким образом, арбитражное соглашение считается действительным, если оно отвечает требованиям ст. II Нью-Йоркской конвенции, в том числе заключено с помощью устройств электронной связи, в случае если обеспечены целостность и аутентичность передаваемой информации и если содержащаяся в нем информация является доступной для дальнейшего использования²³.

Закон Республики Молдова «О международном коммерческом арбитраже»²⁴ (далее — Закон Молдовы о МКА) указывает на обязательность письменной формы арбитражного соглашения. Говоря о «письменной форме», Закон Молдовы о МКА расширяет толкование данного понятия. Так, Нью-Йоркская конвенция поясняет, что «термин “письменное соглашение” включает арбитражную оговорку в договоре или арбитражное соглашение, подписанное сторонами или содержащееся в обмене письмами или телеграммами», а Закон Молдовы о МКА указывает: чтобы арбитражное соглашение считалось заключенным в письменном виде, необходимо установить его в любой форме вне зависимости от того, заключены ли арбитражное соглашение или договор в устной форме, путем совершения убедительных действий или другими средствами.

Арбитражное законодательство Таджикистана и Туркменистана устанавливает, что арбитражное соглашение считается заключенным, если оно заключено путем обмена письмами, сообщениями по телетайпу, телеграфу или с использованием иных средств электросвязи, обеспечивающих запись такого соглашения, либо путем обмена иском заявлением и отзывом на иск, в которых одна из сторон утверждает о наличии соглашения, а другая против этого не возражает²⁵.

²⁰ Закон Республики Казахстан от 8 апреля 2016 года № 488-V ЗРК (с изм. от 10 марта 2017 года и 3 февраля 2019 года) «Об арбитраже».

²¹ Закон от 30 июля 2002 года № 135 «О третейских судах в Кыргызской Республике».

²² Статьи 10 и 11 Закона Латвийской Республики от 1 января 2015 года «О третейских судах».

²³ Часть 2 ст. 10 Закона Литовской Республики от 2 апреля 1996 года № I-1274 «О коммерческом арбитраже».

²⁴ Статья 7 Закона Республики Молдова от 22 февраля 2008 года № 24-XVI «О международном коммерческом арбитраже».

²⁵ Статья 11 Закона Республики Таджикистан от 18 марта 2015 года № 1183 «О международном коммерческом арбитраже»; п. 1 ст. 7 Закона Туркменистана от 16 августа 2014 года № 101-V «О международном коммерческом арбитраже».

В Республике Узбекистан ст. 12 Закона «О третейских судах» предусматривает, что третейское соглашение должно быть заключено в письменной форме, в виде составной части договора либо отдельного соглашения. Также к арбитражному соглашению сторон приравнивается обмен письмами или сообщениями с использованием средств электронной и иной связи.

В Украине в ходе комплексной процессуальной реформы 2017 года положения ст. 7 Закона Украины «О международном коммерческом арбитраже»²⁶, касающиеся соблюдения письменной формы арбитражного соглашения, были расширены и теперь включают и обмен электронными сообщениями.

Таким образом, несмотря на то что письменная форма арбитражного соглашения сегодня по-прежнему рассматривается как некая процессуальная гарантия, обеспечивающая надежную фиксацию волеизъявления сторон на передачу спора в арбитраж, национальное законодательство многих постсоветских стран в этой части не уступает общемировой тенденции признания действительности договоров (а соответственно, и арбитражных соглашений), заключенных в электронной форме.

Надлежащее

уведомление сторон

Одним из оснований для последующего отказа в признании и приведении в исполнение иностранного арбитражного решения в соответствии с подп. «b» п. 1 ст. V Нью-Йоркской конвенции является ненадлежащее уведомление сторон о назначении арбитра или об арбитражном разбирательстве.

Например, потенциальный ответчик на стадии исполнения решения может заявить, что не знал об арбитражном разбирательстве

и не имел возможности представить свои объяснения. Сложности с доказыванием факта уведомления стороны и даже участия ее представителя в процессе возникают даже в рамках традиционного арбитража, когда для уведомления используют услуги почты или курьерских служб. В рамках онлайн-арбитража следует ожидать еще больших трудностей²⁷. Пока данный вопрос остается открытым.

В то же время мы считаем, что если на стадии заключения договора между сторонами в контракте четко указаны адреса электронной почты, то направление на них (с них) корреспонденции должно приравниваться к официальному уведомлению сторон. Следовательно, если в договоре предусмотрены официальные адреса электронной почты сторон, то большинство сложностей, связанных с уведомлением сторон, автоматически снимаются.

Так, Регламент Постоянно действующего арбитражного учреждения при Торгово-промышленной палате Республики Армения в части уведомлений разрешает предоставлять документы и корреспонденцию посредством их загрузки в компьютерную программу или посредством отправки на адрес электронной почты²⁸. Согласно указанному Регламенту после введения в действие компьютерной программы документация, уведомления и другие сообщения считаются также полученными секретариатом и сторонами на следующий день после их размещения в компьютерной программе, а если до этого момента секретариат еще не предоставил сторонам логин и пароль, обеспечивающие доступ в компьютерную программу, к материалам дела и размещению документов, — то на следующий день после предоставления таких логина и пароля. Датой запуска компьютерной программы является первый рабочий день, следующий за днем публикации информации о запуске на сайте www.arbitrage.am²⁹.

²⁶ Закон Украины от 24 февраля 1994 года № 4002-ХІІ «О международном коммерческом арбитраже».

²⁷ Панов А. А. Онлайн-арбитраж: проблемы, решения, перспективы // Новые горизонты международного арбитража. Вып. 2: сб. ст. / под ред. А. В. Асоскова, А. И. Муранова, Р. М. Ходыкина. — М.: Инфотропик Медиа, 2014. — С. 111–153.

²⁸ Статьи 3.1, 3.3 Регламента ПДАУ при Торгово-промышленной палате Республики Армения, принятого 23 марта 2019 года.

²⁹ Там же, ст. 3.7.

В то же время Регламентом Международного арбитражного суда при Белорусской торгово-промышленной палате предусмотрено, что иски, заявления, ответы на них, извещения, решения, иные постановления суда по делу пересылаются заказными письмами с уведомлением о вручении либо вручаются лично под расписку³⁰.

Правила арбитража и медиации Международного арбитражного центра Международного финансового центра «Астана» 2018 года устанавливают, что любое письменное сообщение может быть доставлено лично или передано любым иным способом (включая любой электронный метод), обеспечивающим учет доставки письменного сообщения³¹.

Регулирование отправления корреспонденции в Регламенте Рижского международного коммерческого арбитражного суда достаточно широко: ст. 21 названного Регламента допускает отправку корреспонденции заказным письмом или другим способом, позволяющим фиксировать факт отправки, или вручается лично³².

На наш взгляд, чтобы избежать в дальнейшем появления оснований для непризнания и неисполнения иностранного арбитражного решения, необходимо направлять уведомление об арбитражном разбирательстве посредством заказной почты с уведомлением.

Признание и исполнение арбитражного решения

Целью любого арбитражного процесса является окончательное разрешение спора и вынесение арбитражного решения. Так, ст. IV Нью-Йоркской конвенции устанавливает: «1. Для получения <...> признания и приведения в исполнение

[арбитражного решения] сторона, испрашивающая признание и приведение в исполнение, при подаче такой просьбы представляет: а) должным образом заверенное подлинное арбитражное решение или должным образом заверенную копию такового».

Если в рамках онлайн-арбитража решение также выносится в электронной форме, его принудительное признание и исполнение может быть затруднено. Более того, если арбитражное решение существует исключительно в электронной форме, сохраняется риск произвольного изменения его содержания заинтересованной стороной³³.

Как отмечает И. М. Чупахин, электронное арбитражное решение можно будет поставить в один ряд с письменным только после того, как будут выработаны четкие правила взаимодействия сторон и состава арбитража в рамках третейского разбирательства, проводимого в режиме онлайн, обеспечения соблюдения их прав, а также механизмы гарантий неизменяемости вынесенного арбитражного решения³⁴.

На наш взгляд, после вынесения решения онлайн арбитражи должны в обязательном порядке направить сторонам оригинальное подписанное решение на бумажном носителе, чтобы обеспечить возможность его признания и исполнения в будущем.

В то же время, если национальным законодательством того государства, на территории которого испрашивается признание и приведение в исполнение, электронная форма арбитражного решения будет рассматриваться как равнозначная письменной, то какие-либо препятствия для исполнения подобного решения по правилам Нью-Йоркской конвенции отсутствуют.

³⁰ Пункт 1 ст. 20 Регламента Международного арбитражного суда при Белорусской торгово-промышленной палате.

³¹ Статья 3.6 Правил арбитража и медиации Международного арбитражного центра Международного финансового центра «Астана», принятых 1 января 2018 года.

³² Статья 21 Регламента Рижского международного коммерческого арбитражного суда http://www.ricac.org/ru/assets/uploads/reglament/RICAC_reglaments_RU_1.4.pdf.

³³ Haitham A. Haloush, *Op. cit.* P. 357.

³⁴ Чупахин И. М. *Онлайн-арбитраж: особенности исполнения решений // Арбитражный и гражданский процесс. — 2012. — № 11.*

РАЗРУШЕНИЕ СВЯЗЕЙ

Дмитрий Артюхов
главный редактор
Arbitration.ru

Анна Зотова
студентка
юридического
факультета МГУ

Очень важно и ценно то, что природный газ можно транспортировать на значительные расстояния с относительно небольшими затратами — по газопроводам.
Энциклопедический словарь юного химика

Аммиак, NH_3 , бесцветный газ с резким запахом.
Химическая энциклопедия

В сентябре 2019 года украинский оператор трубопровода по поставке сжиженного аммиака, построенного в СССР, выиграл арбитраж у российского завода. Победа украинского предприятия открывает интересные факты о некогда общей для России и Украины химической промышленности.

Суть спора

«Укрхимтрансаммиак», украинский государственный оператор самого длинного в мире аммиачного трубопровода «Тольятти — Одесса» (протяженность около 2500 км, объем прокачки до 2,5 млн т сжиженного газа в год), одержал верх над российским заводом — поставщиком жидкого аммиака «Тольяттиазот» («ТОАЗ») в МКАС при ТПП Украины. Спор рассматривался в Киеве на протяжении двух лет. Инициатором разбирательства выступил «Укрхимтрансаммиак» («УХТА»), который потребовал увеличить стоимость поставки на 1,33 долл. за тонну прокачиваемого газа. В свою очередь, «ТОАЗ» подал встречный иск об уменьшении тарифа. Как отмечали представители украинской стороны, в результате снижения контрактного тарифа «Укрхимтрансаммиак» потерял бы более 180 млн долл.

Предыстория

В СССР аммиакопровод «Тольятти — Горловка — Одесса» связывал завод «Стирол» в Горловке (одно из крупнейших химических предприятий на территории Советского Союза, запущенное в 1933 году), Одесский припортовый завод (ОПЗ) и поволжский «Тольяттиазот». Строительство последнего началось в 1974 году — это была идея американского миллиардера Арманда Хаммера, сына одесского эмигранта, который благодаря своим уникальным связям с советской элитой заработал огромное состояние на сотрудничестве СССР и США¹. Производство аммиака на «ТОАЗ» запустили в 1979-м. Тогда же была введена в эксплуатацию первая очередь магистрального аммиакопровода — 792-километровый участок трубопровода

¹ Интересно, что Центр международной торговли (ЦМТ) в Москве на Пресненской набережной, построенный по инициативе ТПП СССР и А. Хаммера в 1980 году, ранее называли Хаммеровским центром.

«Горловка — Одесса». Весь трубопровод, включая ветку до Тольятти, начал работать в 1981 году. Строительство велось по американским технологиям, и вначале сжиженный газ поставлялся танкерами в США.

В 1990-е годы «ТОАЗ» приватизировали. По данным отчета завода (сейчас предприятие имеет юридическую форму ПАО) за I квартал 2019 года, среди его акционеров — компании на Британских Виргинских островах, в Ангилье, Сент-Люсии, Сент-Китсе и Невисе (около 90%), еще около 10% акций принадлежат «Уралхиму». Этим летом СК РФ сообщил, что ведет уголовное дело против группы физических лиц — бывших акционеров завода.

Оператор украинской части аммиакопровода — государственное предприятие «Укрхимтрансаммиак» — было юридически создано указом Кабина Украины в 2001 году.

Химический гигант «Стирол» в Горловке был приватизирован в 2010 году и вошел в группу активов украинского миллиардера Дмитрия Фирташа. «Стирол» поставлял в аммиакопровод 400 тыс. т газа в год (около 15,9% от общего объема). В 2014 году «Стирол» был законсервирован как опасный объект и перестал поставлять сжиженный газ в аммиакопровод: в Донбассе началась война. После этого топоним «Горловка» исключили из названия аммиакопровода.

Вскоре после этого «Укрхимтрансаммиак» и «ТОАЗ» столкнулись в третейском суде.

Стороны

Разногласия между сторонами существуют несколько лет. В конце 2016 года «Укрхимтрансаммиак» уже останавливал прокачку российского газа. В начале 2017 года «Тольяттиазот» обратился в МКАС при ТПП Украины с иском о взыскании с украинской стороны 11,5 млн долл. убытков из-за невыполнения обязательств по контракту 2007 года. В октябре этого года Апелляционный суд Киева оставил без изменения решение МКАС при ТПП Украины против «ТОАЗ» от 16 июля 2019 года.

По новому спору интересы украинской стороны в арбитраже представляла юридическая фирма Integrites. Елена Перепелинская, партнер юрфирмы, возглавила группу, в состав которой также вошли юристы Кристина Хрипкова и Анастасия Ильяшенко. По словам Перепелинской, «дело оказалось сложным и касалось многих юридических аспектов и применения не только соответствующих положений Гражданского и Хозяйственного кодексов Украины, но и положений Налогового кодекса Украины, Соглашения о порядке транзита через территорию государств — участников СНГ, Соглашения об ассоциации Украина — ЕС, Генерального соглашения по тарифам и торговле (ГАТТ), Венской конвенции о праве международных договоров и многих других законов и международных договоров Украины». В комментарии Arbitration.ru юрист обратила внимание на то, что к отсылке на большое количество норм международных договоров прибегла российская компания, а позиция украинского госпредприятия основывалась на нормах национального законодательства: «Спор касался толкования и применения положений указанных актов. Мы настаивали, что они неприменимы к контрактному спору сторон в принципе, и состав арбитражного суда с нами согласился. Спор был подчинен только двум юрисдикциям: Украине и РФ, и мне сложно понять, почему «ТОАЗ» считал, что у него есть права, например, по Соглашению об ассоциации между Украиной и ЕС».

Применяют аммиак в производстве HNO_3 , мочевины, NH_4NO_3 , $(\text{NH}_4)\text{CO}_3$, $(\text{NH}_4)_2\text{SO}_4$ и др., аммофоса, уротропина, как жидкое удобрение, в качестве хладагента.

Химическая энциклопедия

Схема трассы аммиакопровода «Тольятти-Горловка-Одесса»

Российскую сторону в арбитраже при УкрТПП представляла украинская юридическая фирма «Астерс», отказавшаяся дать комментарии.

Несмотря на поражение в украинском арбитраже, пресс-секретарь российского производителя химической продукции Дмитрий Масалитин уверяет, что для «Тольяттиазота» на этой печальной ноте дело не закончено, а также информирует о намерении требовать отмены арбитражного решения и биться до последнего.

Отвечая на вопрос Arbitration.ru, Масалитин отметил: «Позиция публичного акционерного общества «Тольяттиазот» заключается в том, что решение МКАС при ТПП Украины незаконно, так как «Укрхимтранс-аммиак» не сумел доказать в суде ни убыточность для «УХТА» действующего тарифа,

ни существенное изменение обстоятельств, при наличии которых закон (ст. 652 ГК Украины) позволяет одностороннее изменение договорных условий, в том числе размера тарифа на транзит аммиака. Таким образом, решение МКАС о повышении тарифа «УХТА» на транзит аммиака на 1,33 долл. не имеет под собой законных оснований, и «ТОАЗ» продолжит оспаривать его в установленном законом порядке».

По мнению Перепелинской, у российского предприятия все еще остается возможность отмены решения международного коммерческого арбитража по процессуальным основаниям в государственном суде Украины. Валентин Шлихта, ранее и. о. директора «Укрхимтранс-аммиака», высказался о намерении вновь обратиться в арбитраж в случае необходимости, несмотря

на готовность решать спорные вопросы за столом переговоров.

На российском заводе этой готовности не верят. «Несмотря на декларации о готовности к конструктивному сотрудничеству, “УХТА” не первый раз пользуется своим монопольным положением для того, чтобы навязать “ТОАЗу” условия сотрудничества, более выгодные для себя. Ранее подобные действия “УХТА” уже приводили к остановке транспортировки продукции “Тольяттиазота” по аммиакопроводу, что сказалося не только на деятельности нашего предприятия, но и на доходах украинского бюджета», — заявил Дмитрий Масалитин. Действительно, украинские СМИ писали о том, что в результате перекрытия транзита украинский бюджет недополучит 1,13 млрд грн (453 млн долл., около 3 млрд руб.).

Вместо вывода

Созданное прежде разрушается, а новое на его месте возникает с большим трудом — так говорит анализ приведенных выше фактов. Завод «Стирол», запущенный во вторую советскую пятилетку

(1933–1937), сейчас закрыт. Аммиакопровод, заработавший в начале 1980-х и связывавший Россию и Украину, стал предметом распрей. «Тольяттиазот» — крупное предприятие, построенное с привлечением зарубежных средств и технологий, — де-юре на девять десятых принадлежит заокеанским офшорам и попало в уголовные хроники. Причем происходит все это на фоне благоприятной глобальной тенденции: прогнозы говорят, что до 2024 года мировой рынок аммиака будет расти в среднем на 5% в год.

Чтобы обойтись без услуг украинского транзита, «ТОАЗ» с 2003 года ведет строительство собственного терминала по перевалке аммиака в порту Тамань в Краснодарском крае. Однако на данный момент проект не завершен, вокруг терминала идут суды. Неясно, какую альтернативу поставкам из России найдет Одесский припортовый завод по перевалке аммиака, когда проект будет завершен. Скорее всего, никакой. Пока Китай протягивает свои щупальца и объединяет все Восточное полушарие вокруг «Пояса и пути», химические связи двух стран-соседей разрушаются, подогреваемые гордыней.

Источники

1. Vyacheslav Hnatyuk. KyivPost. Ukrainian pipeline operator prevails against Russian chemical plant in arbitration case.
2. URL: <https://www.kyivpost.com/business/ukrainian-pipeline-operator-prevails-against-russian-chemical-plant-in-arbitration-case.html>.
3. Sebastian Perry. Global Arbitration Review — Arbitration News, Features and Reviews. Ukrainian pipeline operator wins tariff revision claim. URL: <https://globalarbitrationreview.com/article/1197771/ukrainian-pipeline-operator-wins-tariff-revision-claim>.
4. David Stuckey. Integrites Successful for Ukraine’s Ukrkhimtransamiak in Arbitration Against Russia’s Togliattiazot. URL: <https://www.ceelegalmatters.com/ukraine/11599-integrites-successful-for-ukraine-s-ukrkhimtransamiak-in-arbitration-against-russia-s-togliattiazot>.
5. URL: <https://www.integrites.com/news/integrites-won-a-190-mln-icac-arbitration/>.
6. URL: <https://ukrtransamiak.com.ua/istoria-pidpriestva>.
7. URL: http://weic.info/proizvodstvo_hranenie_i_transportirovka_ammika_cherez_ammiakoprovod_rossii_ukrainy_evropy.
8. URL: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/571-2001-%D0%BF>.
9. URL: <https://sledcom.ru/news/item/1361895/?print=1>.
10. URL: https://censor.net.ua/news/425076/ukrkhimtransamiak_nameren_zakonservirovat_magistralnyyi_ammiakoprovod.
11. URL: <https://sledcom.ru/news/item/1361895/?print=1>.
12. URL: <https://www.integrites.com/ru/news/integrites-vyigrala-arbitrazh-icac-na-190-mln-dollarov-ssha/>.
13. URL: http://www.ng.ru/economics/2019-05-15/100_taman150519.html.

ОБЗОР СУДЕБНЫХ РЕШЕНИЙ РФ

Обзор актов судов РФ по признанию и приведению в исполнение арбитражных решений в сфере технологий и интеллектуальной собственности

Степан Султанов
юрист АБ «КИАП», Москва

ГОСУДАРСТВЕННЫЕ СУДЫ ПРАВОМЕРНО ПРИВОДЯТ В ИСПОЛНЕНИЕ ИНОСТРАННЫЕ АРБИТРАЖНЫЕ РЕШЕНИЯ ПО СПОРАМ ИЗ ДОГОВОРОВ НА РАЗРАБОТКУ ПРОГРАММНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ, НЕ УСТАНАВЛИВАЯ ФАКТ ПЕРЕДАЧИ ИСКЛЮЧИТЕЛЬНЫХ ПРАВ

Номер дела в государственном суде: А40-204190/17.

Стороны спора:

ЗАО «Итранзишэн» (Республика Беларусь) – заявитель в государственном суде, истец в третейском суде;

ООО «Диамех 2000» (Россия) – заинтересованное лицо в государственном суде, ответчик в третейском суде.

Разрешавший спор третейский суд: МАС при БелТПП.

Представители сторон в третейском суде: Н/д.

Арбитры: Я. И. Функ (председатель), А. Ф. Храпуцкий, И. В. Перерва.

Представители сторон в государственном суде:

ЗАО «Итранзишэн»: В. В. Зебрев.

ООО «Диамех 2000»: С. П. Бакулина (первая инстанция);

А. Г. Сычев (кассация).

Судьи, вынесшие решение в государственном суде:

Первая инстанция: Т. Н. Ишанова.

Кассация: Н. Ю. Дунаева (председательствующий судья),

С. В. Краснова, С. В. Нечаев.

ЗАО «Итранзишэн» (белорусский разработчик) и ООО «Диамех 2000» (российский заказчик) заключили договор на разработку программного обеспечения. Заказчик не оплатил выполненные работы, разработчик обратился в Международный арбитражный суд при Белорусской торгово-промышленной палате (МАС при БелТПП).

Согласно решению МАС при БелТПП заказчик должен выплатить в пользу разработчика сумму основного долга и пени в размере более 17,6 млн руб. и арбитражный сбор в размере 10 654,28 евро. Заказчик частично исполнил ре-

шение МАС при БелТПП в части основного долга: оставшаяся задолженность составила 9,2 млн российских рублей и сумму невыплаченного арбитражного сбора.

Разработчик обратился в Арбитражный суд г. Москвы с заявлением о признании и приведении в исполнение решения МАС при БелТПП. Заказчик возражал, настаивая на том, что спор был рассмотрен арбитрами в отсутствие компетенции. По мнению заказчика, согласно арбитражной оговорке в договоре спор должен был рассматриваться в Международном коммерческом арбитражном суде при Торгово-промыш-

ленной палате Республики Беларусь, а был рассмотрен МАС при БелТПП.

Арбитры признали свою компетенцию, поскольку при БелТПП существует только один международный арбитражный суд – МАС. Государственный суд согласился с постановлением арбитров.

Вторым доводом заказчика было то, что панель арбитров в нарушение закона сформирована по месту арбитража и решение вынесено по спору, не подпадающему под условия арбитражной оговорки.

Государственный суд указал, что порядок формирования панели арбитров соответствует правилам МАС при БелТПП, стороны участвовали в арбитраже и отводов не заявляли. Государственный суд не согласился, что спор не подпадает под условия арбитражной оговорки.

Государственный суд исследовал переписку, в которой стороны согласовали график добровольного исполнения решения третейского суда. По мнению государственного суда, такая переписка подтверждает волю сторон на рассмотрение спора МАС при БелТПП и легитимность его решения.

Также заказчик заявлял, что признание и приведение в исполнение решения МАС при БелТПП будет противоречить публичному порядку РФ.

Аргумент о нарушении публичного порядка был отклонен, поскольку, по мнению государственного суда, приведенные в обоснование доводы «направлены на переоценку установленных обстоятельств и иное толкование условий договора, что не может свидетельствовать о нарушении публичного порядка».

Первая инстанция признала и привела в исполнение решение МАС при БелТПП. При принятии такого решения государственный суд руководствовался отсутствием оснований для отказа в признании и приведении в исполнение решения иностранного суда согласно положениям Киевского соглашения 1992 года и ч. 1 ст. 244 АПК РФ, перечислив основания из каждого документа. Также суд сослался на ст. 36 Закона о МКА, но без перечисления оснований для от-

каза. Перед резолютивной частью суд также упомянул Минскую конвенцию 1993 года.

О том, что Киевское соглашение и Минская конвенция неприменимы к решениям международных коммерческих арбитражей, было сказано неоднократно – например, в определении ВС РФ от 22 октября 2015 года по делу № 310-ЭС15-4266¹. Часть 1 ст. 244 АПК РФ также неприменима, поскольку устанавливает основания для отказа в признании и приведении в исполнение решений иностранных государственных судов.

Статья 244 АПК РФ содержит бланкетную норму в ч. 3, которая отсылает к Закону о МКА. А вот п. 1 ст. 36 Закона о МКА уже устанавливает основания для отказа в признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений.

Заказчик обжаловал определение суда первой инстанции в Арбитражный суд Московского округа, поскольку счел, что первая инстанция не применила ст. V Нью-Йоркской конвенции 1958 года, ст. 36 Закона о МКА и ст. 12, 16, 17 Закона Республики Беларусь «О международном арбитражном (третейском) суде» (по мнению заказчика, способ избрания арбитров противоречит процессуальному праву по месту арбитража), а также ошибочно применила ст. 244 АПК РФ.

Также заказчик заявил, что государственный суд пришел к неверному выводу о согласовании сторонами порядка исполнения решения МАС при БелТПП. Заказчик настаивал на том, что спор не подпадает под условия арбитражной оговорки.

Арбитражный суд Московского округа оставил определение первой инстанции без изменения и не добавил ничего нового в мотивировочной части, в том числе по неправильному применению норм права.

Интересным обстоятельством в отношениях сторон является то, что на момент вынесения судебных актов исключительные права на разработанное ПО так и не были переданы заказчику, но решение арбитров о взыскании с заказчика оплаты за разработку этого ПО было признано и приведено в исполнение. Такой подход является правильным, поскольку государственные суды не должны пересматривать вопрос по существу.

¹ См. также обзор, подготовленный Н. Кисляковой, в прошлом номере *Arbitration.ru*.

ТЕМНАЯ ЛОШАДКА В ПРАВОПРИМЕНЕНИИ: ВОПРОС О ВЫДАЧЕ ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО ЛИСТА НА РЕШЕНИЕ АРБИТРАЖА AD HOC ПО НЕУСТОЙКЕ КАЖДЫЙ РЕШАЕТ ПО-СВОЕМУ

Карточка дела № 1

Номер дела в государственном суде: А40-294713/2018.

Стороны спора:

ИП Соколов Владимир Александрович (Россия) – заявитель в государственном суде, истец в третейском суде;
ООО «Металл железобетонные изделия» (Россия) – заинтересованное лицо в государственном суде, ответчик в третейском суде.

Третейский суд, вынесший решение: Ad hoc.

Представители сторон в третейском суде: Н/д.

Единоличный арбитр: П. И. Варфоломеев.

Представители сторон в государственном суде: Не явились.

Судья, вынесший решение в государственном суде: Первая инстанция: О. С. Гедрайтис.

*Логотип бренда,
вызвавшего споры*

Карточка дела № 2

Номер дела в государственном суде: А40-294720/2018.

Стороны спора:

ИП Соколов Владимир Александрович (Россия) – заявитель в государственном суде, истец в третейском суде;
ООО «Дмитровский металлургический завод» (Россия) – заинтересованное лицо в государственном суде, ответчик в третейском суде.

Третейский суд, вынесший решение: Ad hoc.

Представители сторон в третейском суде: Н/д.

Единоличный арбитр: П. И. Варфоломеев.

Представители сторон в государственном суде:

ИП Соколов Владимир Александрович – не явился (первая инстанция); С. В. Зарембо (кассация).

ООО «Дмитровский металлургический завод» – не явился (первая инстанция); А. В. Никитин (кассация).

Судьи, вынесшие решение в государственном суде:

Первая инстанция: Т. Н. Ишанова.

Апелляция: З. А. Аталикова (председательствующий судья), С. В. Краснова, Н. Ю. Дунаева.

В обоих делах спор возник из лицензионных договоров о предоставлении прав использования товарного знака № 517450 (трафарет черной лошади, вставшей на дыбы около надписи Black Horse), где ИП Соколов В. А. высту-

пает лицензиаром. В деле № 1 лицензиар предоставляет права использования товарного знака ООО «МЖБИ» (лицензиат № 1); в деле № 2 – ООО «Дмитровский металлургический завод» (лицензиат № 2).

В обоих случаях после возникновения спора стороны приняли третейское соглашение, согласно которому все споры из лицензионных договоров должны быть рассмотрены третейским судом, образованным сторонами для разрешения конкретного спора (ad hoc), в составе арбитра П. И. Варфоломеева из списка арбитров Хельсинского международного коммерческого арбитража¹.

В деле № 1 третейское соглашение было подписано 26 ноября 2018 года, решение вынесено 30 ноября 2018 года. В деле № 2 третейское соглашение было подписано 1 ноября 2018 года, решение вынесено 16 ноября 2018 года.

В обоих случаях арбитр принял решение взыскать с лицензиатов лицензионные платежи за право использования товарного знака: 1,3 млн руб. с лицензиата № 1 и 1,75 млн — с лицензиата № 2. Также в обоих случаях арбитр принял решение взыскать с лицензиатов штраф по лицензионным договорам — ровно по 25 млн руб. Размер арбитражных расходов в обоих делах был одинаковым и подлежал взысканию с лицензиатов.

В деле № 1 лицензиар подал заявление о выдаче исполнительного листа на принудительное исполнение решения третейского суда. Лицензиат № 1 представил отзыв, в котором согласился с решением третейского суда и не возражал против выдачи исполнительного листа. Арбитражный суд г. Москвы указал, что спор арбитрабелен, решение третейского суда не нарушает основополагающие принципы российского права; соответственно, требования лицензиара подлежат удовлетворению.

В деле № 2 лицензиар обратился в Арбитражный суд г. Москвы с аналогичным требованием, но государственный суд проанализировал условия выплаты лицензионных платежей и основания для начисления штрафа. Государственный суд установил, что согласно договорным условиям лицензионный платеж должен выполняться в течение 10 дней после регистрации лицензионного договора. Условия о штрафе были

сформулированы в дополнительном соглашении следующим образом:

«В случае невыплаты лицензиатом вознаграждения согласно п. 2.3.4 договора, либо наличия обстоятельств, очевидно свидетельствующих о том, что указанное вознаграждение не будет выплачено в установленный срок, либо выплаты лицензиатом указанного вознаграждения в размере менее указанного, лицензиар вправе взыскать с лицензиата штраф в размере 15 млн руб. за каждую просрочку платежа на срок не более трех дней либо взыскать штраф в размере 30 млн руб. за повторную просрочку платежа на срок более трех дней, если штраф был применен впервые, а лицензиат обязан удовлетворить такое требование в течение трех банковских дней с момента его получения».

Поскольку решение арбитража ad hoc было вынесено 16 ноября 2018 года, а лицензионный договор был зарегистрирован 18 декабря 2018 года, арбитражный суд первой инстанции посчитал, что арбитр не в полном объеме исследовал доказательства по делу, что привело к принятию решения, нарушающего основополагающие принципы права, а именно законность и обоснованность решения, равенство сторон гражданско-правовых отношений, добросовестное осуществление гражданских прав, соразмерность мер гражданско-правовой ответственности последствиям правонарушений (было указано, что штраф чрезмерно высок и многократно превышает размер разумной неустойки).

Государственный суд в деле № 2 отказал в выдаче исполнительного листа в части взыскания неустойки. Лицензиар обжаловал определение суда первой инстанции в Арбитражный суд Московского округа.

При обжаловании определения лицензиар указал, что вопрос о снижении неустойки был рассмотрен в третейском суде, а лицензиат № 2 не возражал против выдачи исполнительного листа в государственном суде. В мотивировочной части постановления Арбитражного суда Московского округа указано, что представители

¹ 29 марта 2019 года вступили в силу поправки, нацеленные на контроль арбитража ad hoc, среди которых запрет на выполнение отдельных функций по администрированию арбитража и иных действий, связанных с проведением арбитража, а также рекламу своих услуг лицами, не получившими права на осуществление функций ПДАУ. Споры были инициированы до принятия поправок, в 2018 году.

заявителя и заинтересованного лица поддержали доводы кассационной жалобы.

Со ссылкой на постановление президиума ВАС РФ от 23 апреля 2013 года № 16497/12 и определение ВС РФ от 11 января 2018 года № 304-ЭС17-20293 (отказное) суд кассационной инстанции подтвердил, что исследование вопроса соответствия взысканной решением третейского суда неустойки (штрафа) публичному порядку, ее оценка на предмет соразмерности последствиям правонарушения находятся в компетенции арбитражного суда. Определение суда первой инстанции было оставлено без изменения.

Интересно отметить, что президиум ВАС РФ в указанном постановлении согласился с пересмотром размера неустойки, поскольку, по мнению государственного суда, третейский суд применил ответственность за нарушение обязательства, срок исполнения которого еще не наступил.

Если резюмировать, то перед нами два спора с одинаковыми лицензиаром, товарным знаком, обстоятельствами (в деле № 1 лицензион-

ный договор также был зарегистрирован после вынесения решения арбитражем ad hoc), суммой штрафа, арбитром и государственным судом, рассматривавшим вопрос о выдаче исполнительного листа. Однако в деле № 1 суд выдал исполнительный лист на всю сумму, а в деле № 2 — отказал в выдаче исполнительного листа в части неустойки.

Совпадения и иные обстоятельства дел вызывают обоснованные размышления о природе отношений участников лицензионных соглашений. Такие размышления могут привести к мысли, что пересмотр государственным судом решения третейского суда по существу в части неустойки мог пойти во благо публичного интереса (правда, с другой мотивировочной частью). Какой подход является верным с учетом изложенных обстоятельств, каждый решит сам.

В любом случае не может не радовать, что у судов не возникает сомнений в арбитрабельности споров из лицензионных договоров о предоставлении прав использования товарных знаков, несмотря на то что такие договоры подлежат государственной регистрации в Роспатенте.

ПРИ ПРИВЕДЕНИИ В ИСПОЛНЕНИЕ РЕШЕНИЯ АРБИТРАЖА ПРОТИВ КОМПАНИИ, КОТОРАЯ ПОДДЕРЖИВАЕТСЯ БЮДЖЕТНЫМИ ДЕНЕЖНЫМИ СРЕДСТВАМИ ЧЕРЕЗ ФОНД, УЩЕРБ БЮДЖЕТУ РФ НЕ УСТАНОВЛЕН

Номер дела в государственном суде: А40-62433/19.

Стороны спора:

ОАО «Гроднопромстрой» (Республика Беларусь) – заявитель в государственном суде, истец в третейском суде;

ООО «Нанотехнологический центр композитов» (Россия) – заинтересованное лицо в государственном суде, ответчик в третейском суде.

Разрешавший спор третейский суд: Арбитражная комиссия ОАО «Белорусская универсальная торговая биржа».

Представители сторон в третейском суде: Н/д.

Арбитры: Н/д.

Представители сторон в государственном суде:

ОАО «Гроднопромстрой»: М. С. Рябова.

ООО «Нанотехнологический центр композитов»: А. И. Ахметов, А. Э. Станкевич.

Судья, вынесший решение в государственном суде: Е. А. Абрамова.

Между ОАО «Гроднопромстрой» (истец) и ООО «Нанотехнологический центр композитов» (ответчик) возник спор из договора (судебный акт не упоминает наименования или предмета договора), который содержал арбитражную оговорку Арбитражной комиссии ОАО «Белорусская универсальная торговая биржа».

Арбитражная комиссия вынесла решение о взыскании с ответчика пени в размере около 47 млн руб. и расходов по уплате арбитражного сбора в размере около 470 тыс. руб.

Истец обратился в Арбитражный суд г. Москвы с заявлением о признании и приведении в исполнение решения Арбитражной комиссии. Ответчик возражал: по его мнению, суд не принял во внимание недобросовестное поведение истца, выразившееся в несвоевременном исполнении им договорных обязательств, в том числе по выплате аванса. Кроме того, по мнению ответчика, взысканная неустойка несоразмерна последствиям нарушения обязательства.

Государственный суд указал, что оснований для отказа в приведении в исполнение иностранного арбитражного решения не установлено; признание и приведение в исполнение указанного арбитражного решения не противоречит публичному порядку Российской Федерации. Суд не согласился с тем, что большая сумма неустойки нарушает принципы российского права.

Здесь интересен следующий момент: одной третью уставного капитала ответчика владеет Фонд инфраструктурных и образовательных программ, который входит в Группу РОСНАНО.

Ранее в деле № А40-117326/18 компании Vanwell International Limited было отказано в признании и приведении в исполнение решения LCIA против АО «Росшельф» о взыскании основного долга в размере 901,9 тыс. долл., процентов в размере 1,7 млн долл. и арбитражного сбора в размере 36 912,28 фунтов стерлингов¹.

Государственным судом было установлено, что конечным бенефициаром АО «Росшельф» является Российская Федерация, поскольку АО

«Росшельф» входит в госкорпорацию «ОСК», а предметом взыскания в рамках решения LCIA являются акции АО «ССЗ “Лотос”», которое также входит в госкорпорацию «ОСК». АО «ОСК», в свою очередь, входит в перечень стратегических предприятий.

Государственные суды в деле № А40-117326/18 указали, что приведение в исполнение решения иностранного арбитражного суда, ответчиком по которому выступает организация, конечным бенефициаром которой является Российская Федерация, и в рамках которого обращается взыскание на имущество лица, конечным бенефициаром которого также является Российская Федерация, может нанести ущерб бюджету страны в результате вывода денежных средств на счета иностранных компаний.

В определении по делу ООО «Нанотехнологический центр композитов» вопрос ущерба бюджету Российской Федерации не исследовался. Является ли организационно-правовая форма фонда преградой для установления ущерба бюджету РФ? Имеет ли значение сумма взыскания или доля владения ответчиком?

На момент написания настоящего обзора определение Арбитражного суда г. Москвы по делу № А40-62433/19 обжалуется в Арбитражный суд Московского округа (заседание назначено на 28 ноября 2019 года), а постановление Арбитражного суда Московского округа по делу № А40-117326/18 обжалуется в ВС РФ. Посмотрим, что скажут вышестоящие инстанции.

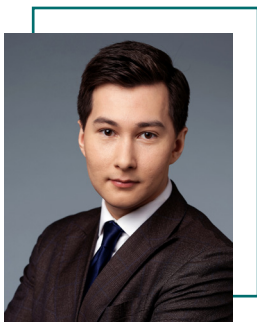
¹ Аналогичные обстоятельства и стороны были в деле № А40-117331/2018. Более подробно аргументацию судов по делу Vanwell см. в статье: Рязанова А. Связь со стратегическим предприятием — иммунитет от исполнения арбитражного решения? // Arbitration.ru. — 2019. — № 5 (9). — С. 64–66.

impossible

КИАР | KORELSKIY
ISCHUK
ASTAFIEV

РОССИЙСКИЙ ИТ-ДИСТРИБЬЮТОР И МЕЖДУНАРОДНЫЙ КОММЕРЧЕСКИЙ АРБИТРАЖ: ВСЕГДА РЯДОМ, НО НИКОГДА НЕ ВМЕСТЕ

Степан Султанов
юрист АБ «КИАП»,
Москва

Мой профессиональный опыт в Москве начался с международно-правовой практики крупнейшего широкопрофильного дистрибьютора на российском ИТ-рынке. В этой сфере технологии распространяются, персонифицируются, внедряются, поддерживаются, а также разрабатываются на своих производствах.

В последнее время ИТ-дистрибьюторы стремятся предлагать не отдельные продукты, а комплексные решения и услуги. Рынок ИТ-дистрибуции расширяется и видоизменяется, поэтому представители данного рынка уже уверенно называют себя агрегаторами решений или провайдерами широкого спектра сервисных услуг.

Далее будет рассмотрено, какого рода договоры заключают такие компании в своей основной деятельности, в каких договорах можно встретить арбитражные оговорки и как часто споры с участием ИТ-дистрибьюторов попадают в арбитраж.

Договоры ИТ-дистрибьютора

Если рассматривать наиболее типичную ситуацию, то иностранный поставщик (вендор) и российский дистрибьютор заключают дистрибьюторское соглашение. Большинство вендоров предоставляют свою форму соглашения, которая в рамках одного документа детально регулирует отношения сотрудничества, поставки, лицензирования, оказания услуг, маркетинга и т.д. Другие вендоры предпочитают заключать отдельные договоры, в этом случае дистрибьюторское соглашение закрепляет только общие условия дальнейшего сотрудничества.

Если выбран второй вариант оформления отношений (несколько договоров), после дистрибьюторского договора заключается рамочный договор поставки. В нем стороны согласовывают все условия поставки товара и предоставления прав пользования программным обеспечением (ПО).

Сложности могут возникнуть с налоговой стороной сделки. В России лицензионные договоры на ПО не облагаются НДС, но надеяться, что ФНС будет выделять отдельно лицензию и поставку в смешанном договоре для целей налогообложения, не стоит. Вендор, в свою очередь, под поставляемыми продуктами равнозначно понимает и товар, и ПО, и услуги без каких-либо преференций в правовом режиме. Соответственно, у вендора ранее не было необходимости выделять отдельный лицензионный договор и тем самым усложнять договорную конструкцию, а у дистрибьютора такая необходимость была. У российской стороны формировались ожидания, которые могли не совпадать с подходом иностранного вендора.

Нередки были и случаи, когда стороны разделяли договор поставки и лицензионный договор на ПО (или когда вендор предоставлял только право пользования ПО), но вендор настаивал на том, чтобы договор на ПО назывался не лицензионным, а договором на поставку ПО с соответствующими формулировками по тексту. По мнению вендоров, так они не те-

ряют контроль над ПО, поскольку не предоставляют права пользования ПО, а передают только дистрибутив (диск, ключ). Иногда дистрибутив передавался в виде ключа доступа напрямую заказчику или конечному пользователю. При запуске ПО пользователь кликом компьютерной мыши соглашался на прямой договор с вендором (click-wrap agreement), который, по мнению вендора, и являлся единственным лицензионным договором.

В результате могла возникнуть ситуация, когда договор на поставку ПО не освобождался от НДС, по дистрибьюторскому каналу (или напрямую заказчику) передавался дистрибутив, а в прямом соглашении с конечным потребителем прописывалось, что соглашение действительно только при условии, если потребитель получил дистрибутив от авторизованного реселлера/дистрибьютора на определенной территории, с которым он находится в договорных отношениях. По факту происходило неестественное расщепление лицензии для контроля ПО вендором.

С 1 января 2019 года при оказании иностранным вендором услуг в электронной форме, местом реализации которых признается территория РФ, обязанность по исчислению и уплате НДС в бюджет возлагается на иностранного вендора. В итоге иностранные вендоры, даже самые крупные, стали более сговорчивыми в теме выделения стопроцентного лицензионного договора, что наконец привело правовые конструкции в соответствие с фактической природой сделок.

Вендор и дистрибьютор также заключают сервисные и маркетинговые договоры, если соответствующие вопросы не урегулированы общим дистрибьюторским соглашением.

Классическая договорная структура ИТ-дистрибьюции выглядит так, как описано выше. Однако дистрибьютор находится в сферах, требующих заключения иных видов договоров (логистика, обеспечение обязательств, производство, разработка, внедрение, слияния и поглощения, финансирование, аналитика и т.д.), которые в данной статье рассматриваться не будут.

Арбитражные оговорки и арбитрабельность споров

Вне зависимости от варианта оформления дистрибьюторских отношений описанные соглашения, как правило, содержат арбитражную оговорку.

Если вендор работает через восточный офис, то азиатская сторона чаще всего предлагает НКІАС (реже SIAC). Восточные стороны с трудом соглашаются на другой арбитражный центр: самые популярные европейские центры отсекаются категорически, исключение делается только для LCIA.

Если речь идет о вендорах высшего эшелона, то основное соглашение заключается с компанией, зарегистрированной в Ирландии или Нидерландах, с исключительной подсудностью местных судов.

Если вендор из США, то устанавливается исключительная подсудность судов штата инкорпорации вендора.

Иные вендоры соглашаются на любой из популярных арбитражных центров. С небольшими вендорами арбитражные оговорки направляют споры в МКАС при ТПП РФ.

Если выделять три основных типа споров об интеллектуальных правах:

- договорные споры;
- споры о нарушении интеллектуальных прав;
- споры о действительности, принадлежности и существовании интеллектуальных прав¹,
- то между вендором и дистрибьютором могут возникнуть споры первых двух типов, которые по российскому праву являются арбитрабельными.

Отсутствие арбитража

Возникает вопрос: если большинство договоров содержат арбитражную оговорку и споры арби-

трабельны в РФ, то почему практика признания и приведения в исполнение таких решений у нас практически отсутствует? Ответ прост: спор не уходит в арбитраж. Разрешение спора миром диктуется следующими обстоятельствами:

1. Стоимость спора всегда меньше стоимости взаимоотношений. Допустим, спор возник из крупного договора и на кону стоят несколько сотен миллионов рублей. Если вендор обеспечивает такие объемы, то это миллиарды рублей до спора и потенциальные миллиарды после спора. Входя в конфронтацию с вендором, дистрибьютор лишает себя бренда в портфеле, а вендор уходит к другому дистрибьютору. Разумный выход — договариваться.
2. Зачастую результат предсказуем. Дистрибьюторские соглашения и иные сопутствующие договоры всегда объемны и подробны. Чем опытнее и крупнее вендор, тем объемнее и подробнее договор: каждая строчка — это проработанный риск или неудачный опыт. Остальные вендоры берут пример с самых известных. Когда большинство рисков заранее распределены, профессиональные участники рынка предпочитают не спорить, а договариваться.
3. Дистрибьютор всегда (не) прав. Както на занятии по international business transactions американский профессор нарисовал горизонтальную шкалу, где слева было коммерческое представительство, а справа — дистрибуция. Чем правее, говорил он, тем меньше рисков у вендора, но чем левее — тем у вендора больше контроля. По моему мнению, это идеальная картинка. Иностранные вендоры предпочитают передать большинство рисков дистрибьютору, но в то же время не терять контроля. Когда возникает спор, бывает проблематично вывернуться из цепких формулировок

¹ *Международный коммерческий арбитраж: учебник / науч. ред. О. Ю. Скворцов, М. Ю. Савранский, Г. В. Севастьянов; отв. ред. Т. А. Лунаева. — 2-е изд., перераб. и доп. — СПб.: АНО «Редакция журнала “Третейский суд”»; М.: Статут, 2018. — С. 283.*

договоров. Выход один: находить точки соприкосновения и договариваться.

4. Если спор возник с небольшим вендором, игра не стоит свеч. Когда между большим дистрибьютором и небольшим вендором возникает спор, для дистрибьютора речь идет о незначительных суммах. Стоимость арбитража и соответствующих услуг юристов гораздо выше, а потому выгоднее разрешить спор путем переговоров.

Именно поэтому ушедший в арбитраж спор между иностранным вендором и крупным российским ИТ-дистрибьютором – редкость.

Далее по дистрибьюторскому каналу задистрибьютором следуют партнеры, реселлеры,

заказчики и т.д. Вероятность возникновения спора на данных этапах выше.

Все чаще такие внутрироссийские дистрибьюторские и иные сопутствующие договоры содержат арбитражную оговорку ПДАУ, поэтому по спорам с ИТ-дистрибьюторами в скором времени будет больше шансов обнаружить определение о выдаче исполнительного листа, чем о признании и приведении в исполнение иностранного арбитражного решения.

Не стоит упускать из виду, что ИТ-дистрибьюторы осваивают новые направления: облачные решения, искусственный интеллект, инжиниринг, big data и т.д. Принесут ли эти направления интересные задачи юристам, покажет время.

INTERNATIONAL BAR ASSOCIATION CONFERENCES

XIII ЕЖЕГОДНАЯ
МЕЖДУНАРОДНАЯ
КОНФЕРЕНЦИЯ

6 декабря 2019
Москва Марриотт
Новый Арбат

Управление юридической фирмой

13-я Ежегодная конференция IBA «Управление юридической фирмой» – уникальная площадка для обсуждения проблем юридического бизнеса, объединяющая юристов из разных стран мира. Для партнеров юридических фирм – это возможность познакомиться с опытом коллег, узнать о последних мировых трендах и завязать новые деловые знакомства.

Темой конференции по Управлению юридической фирмой в 2019 году выбрана "Что происходит с юридическими фирмами на рынке в 21 веке?".

Вопросы для обсуждения:

- 10 поводов поволноваться. Что беспокоит управляющих партнеров?
- Рыночные тренды. Куда направились лидеры?
- Взгляд извне. Рынок юридических услуг глазами клиентов? Что на самом деле нужно клиентам и что им совсем не нравится?
- Сколько вешать в граммах?! Современные финансовые модели и их структуры расходов и доходов. В чем именно измеряется успех юридической фирмы?
- Уже не виртуальность. Искусственные юристы против настоящих.
- Не халявщик, а партнер. Тормозят ли действующие модели партнерства развитие фирм и инновации?
- В одноортном уже никто не воюет! Современные лидеры успешных юрфирм – иконы стиля, законодатели привычек, пример для подражания или...?

Сопредседатели конференции:

- **Аку Сорайнен**, Sorainen, Таллин;
- **Владислав Забродин**, Capital Legal Services, Москва, член комитета IBA по социальному развитию.

Официальный сайт: www.iba-lfm.ru

По вопросам участия и регистрации: <https://iba-lfm.ru/registration/> или alexandra.brichkovskaya@arbitrations.ru

11-я ежегодная конференция ИВА «Слияния и поглощения в России и странах СНГ»

В одиннадцатый раз подряд ведущие мировые эксперты в области экономики и юриспруденции соберутся, чтобы обсудить новейшие тенденции рынка M&A в России и СНГ.

Конференция организована Комитетом по корпоративному праву и слияниям и поглощениям ИВА при поддержке Европейского регионального форума ИВА.

К участию в конференции приглашаются корпоративные юристы, юристы частной практики, финансисты и другие эксперты, специализирующиеся в сфере слияний и поглощений.

Сопредседатели конференции:

- **Андре Дюфур**, партнер, Borden Ladner Gervais, Монреаль; сопредседатель комитета ИВА по корпоративному праву и слияниям и поглощениям.
- **Александр Жарский**, партнер, юридическая фирма «АЛРУД», Москва; Комитет ИВА по корпоративному праву и слияниям и поглощениям, заместитель председателя подкомитета по текущим изменениям в законодательстве.

Программа конференции: iba-ma.ru/program.

Регистрация на конференцию: iba-ma.ru/registration.

По вопросам регистрации просьба обращаться к Валерии Теслиной valeriya.teslina@arbitrations.ru.

Сессия 1. Обзор рынка слияний и поглощений в России и странах СНГ: тенденции и основные события

Модератор:

- Джованни Сальветти, глава Rothschild & Co в России и СНГ, Москва, Россия

Спикеры:

- Дмитрий Седов, управляющий директор, соруководитель Goldman Sachs, Москва, Россия
- Владимир Примак, директор, Российский фонд прямых инвестиций, Москва, Россия
- Павел Власов, советник, Сбербанк, Москва, Россия
- Михаил Беккер, директор, «Эльбрус Капитал», Москва, Россия

Сессия 2. Сделки слияния и поглощения в сфере технологий

Модератор:

- Оксана Балаян, управляющий партнер, Hogan Lovells, Москва, Россия

Спикеры:

- Шаген Меликян, директор по правовым вопросам, Sistema Venture Capital, Москва, Россия
- Питер Кутман, партнер, SOBALT, Таллин, Эстония
- Виктор Бирюков, директор по юридическим вопросам, ПАО «ВымпелКом», Москва, Россия
- Федор Смык, директор по слияниям и поглощениям и развитию бизнеса, Сбербанк, Москва, Россия
- Мишель Беркнер, партнер, Cooley, Лондон, Великобритания

Сессия 3. Актуальные проблемы в сфере слияний и поглощений в России и странах СНГ

Модератор:

- Григорий Гаджиев, партнер, Linklaters, Москва, Россия

Спикеры:

- Юлия Соломахина, партнер, Cleary Gottlieb Steen & Hamilton LLP, Москва, Россия
- Арман Бердалин, старший партнер, «Саят Жолши и Партнеры», Астана, Казахстан
- Оксана Внучкова, заместитель директора департамента правового обеспечения бизнеса, начальник управления правового обеспечения проектной деятельности, ПАО «Роснефть», Москва, Россия
- Алла Генералова, старший юрист, сделки, финансирование, инвестпроекты, ООО «СИ-БУР», Москва, Россия
- Вероника Кондрусева, начальник управления международных проектов, «Северсталь Менеджмент», Москва, Россия

Сессия 4. Через тернии к звездам, или Как сделки M&A могут быть успешными в условиях санкций и ужесточения AML

Модераторы:

- Раббе Ситтников, партнер, Hannes Snellman, Хельсинки, Финляндия
- Алан Карташкин, управляющий партнер, Debevoise & Plimpton, Москва, Россия

Спикеры:

- Алексей Востоков, директор по правовым вопросам, «Полюс», Москва, Россия
- Нелли Юрченко, директор департамента корпоративных отношений, ПАО «ГМК “Норильский никель”», Москва, Россия
- Эрик Михайлов, директор юридического департамента, Renaissance Capital, Москва, Россия
- Петр Глушков, советник генерального директора по международно-правовым вопросам ПАО «Татнефть» им. В. Д. Шашина, Москва, Россия

Сессия 5. Споры по сделкам слияния и поглощения в государственных и третейских судах: недавние изменения и основные события

Модераторы:

- Антон Асосков, доктор юридических наук, профессор кафедры гражданского права Московского государственного университета, Москва, Россия
- Сергей Петрачков, партнер, «АЛРУД», Москва, Россия

Спикеры:

- Сара Гриммер, генеральный секретарь, Гонконгский международный арбитражный центр, Гонконг
- Гюнтер Хорвад, президент, Венский международный арбитражный центр, Вена, Австрия
- Андрей Горленко, ответственный администратор Российского арбитражного центра (РАЦ) при Российском институте современного арбитража, Москва, Россия
- Татьяна Меньшенина, партнер, Withersworldwide, Лондон, Великобритания

По вопросам спонсорства и выступления в качестве спикера просьба обращаться к Александре Бричковской alexandra.brichkovskaya@arbitrations.ru.

13-я ежегодная конференция ИВА «Управление юридической фирмой»

13-я ежегодная конференция ИВА «Управление юридической фирмой» — уникальная площадка для обсуждения проблем юридического бизнеса, объединяющая юристов из разных стран мира. Для партнеров юридических фирм это возможность познакомиться с опытом коллег, узнать о последних мировых трендах и завязать новые деловые знакомства.

Темы для обсуждения:

- 10 поводов поволноваться. Что беспокоит управляющих партнеров?
- Рыночные тренды. Куда направились лидеры?
- Взгляд извне. Рынок юридических услуг глазами клиентов: что на самом деле нужно клиентам и что им совсем не нравится?
- Сколько вешать в граммах? Современные финансовые модели и их структуры расходов и доходов. В чем именно измеряется успех юридической фирмы?
- Уже не виртуальность: искусственные юристы против настоящих.
- «Не халявщик, а партнер!» Тормозят ли действующие модели партнерства развитие фирм и инноваций?
- «В однобортном уже никто не воюет!» Современные лидеры успешных юрфирм: иконы стиля, законодатели привычек, пример для подражания или?..

Программа конференции: iba-lfm.ru.

Регистрация: iba-lfm.ru/registration.

Сопредседатели конференции:

- Аку Сорайнен, Sorainen, Таллин
- Владислав Забродин, Capital Legal Services, Москва, член комитета ИВА по социальному развитию

Сессия 1. 10 поводов поволноваться. Что беспокоит управляющих партнеров?

В ходе этой дискуссии представители различных юрфирм рассмотрят сложившуюся ситуацию и выделят основные проблемы в профессии. Каждый представитель сможет рассказать об одной проблеме, связанной с деятельностью юриста.

Формат: Печа-куча, 10 спикеров по 5 минут каждый.

Модераторы:

- Владислав Забродин, управляющий партнер, Capital Legal Services
- Аку Сорайнен, старший партнер, Sorainen

Спикеры:

- Евгений Жилин, партнер, Quorus
- Александр Степановский, управляющий партнер, SPP
- Отабек Сулейманов, партнер, Centil Law Firm
- Дмитрий Дякин, партнер, ЕРАМ
- Оксана Балаян, управляющий партнер, Hogan Lovells

- Арина Шульга, партнер, Mitchell Silberberg & Knupp LLP
- Деннис Бойл, старший советник, Whiteford Taylor Preston, LLP
- Артем Дудко, партнер, Osborne Clarke
- Анастасия Махнева, партнер, INTELLECT

Сессия 2. Рыночные тренды. Куда направились лидеры?

В какую сторону движется современная юриспруденция? Что происходит на современном юридическом рынке? Дискуссия будет посвящена последним тенденциям и трендам на разных рынках: например, в России явно наблюдается склонность к спин-оффам, в то время как на развитых рынках происходит процесс консолидации. Участники оценят, насколько указанные явления имеют долгосрочное влияние на рынок, какие новые вызовы и риски могут возникнуть, учитывая общий уровень развития экономики в стране. Спикеры также поговорят о различных стратегиях развития современной юридической фирмы.

Модераторы:

- Андрей Гольцблат, управляющий партнер, Bryan Cave Leighton Paisner LLP
- Константин Добрынин, старший партнер, Pen & Paper

Спикеры:

- Алексей Захарько, управляющий партнер в России, Dentons
- Денис Пучков, председатель совета партнеров, LOYS
- Яна Золоева, партнер, PwC
- Денис Саушкин, управляющий партнер, «ЗКС»
- София Жылкайдарова, управляющий партнер, SIGNUM

Сессия 3. Взгляд извне. Рынок юридических услуг глазами клиентов: что на самом деле нужно клиентам и что им совсем не нравится?

Руководители юридических фирм и старшие партнеры компаний, действующих в России и за ее пределами, поделятся своим опытом работы с внешними юристами, приведут примеры хороших и плохих решений при выборе стратегии управления фирмой и подходов в работе с клиентами.

Формат: Панельная дискуссия.

Модераторы:

- Василиса Стриж, партнер, Morgan Lewis
- Сергей Лепетань, руководитель юридической службы, Sun Pharma

Спикеры:

- Алексей Мацуев, начальник управления правового обеспечения инвестиционного бизнеса и финансовой деятельности – вице-президент, Банк ВТБ (ПАО)
- Екатерина Цветкова, заместитель генерального директора по правовым вопросам, ООО «Винтер Капитал Адвайзорс»
- Юлия Сычева, директор по юридическим и коммерческим вопросам Россия, СНГ, Украина и страны Балтии, Viacom
- Ирина Черненко, директор по правовым вопросам Россия, СНГ и Украина, ООО «Джонсон и Джонсон»
- Лия Гришаева, управляющий директор по правовому сопровождению проектов финансовой поддержки экспорта, Группа компаний Российского экспортного центра

Сессия 4. Сколько вешать в граммах? Современные финансовые модели и их структуры расходов и доходов. В чем именно измеряется успех юридической фирмы?

Формат: Панельная дискуссия.

Модератор:

- Татьяна Каменская, управляющий партнер, «Каменская & партнеры», Россия

Ключевой спикер:

- Норман Кларк, основатель, Walker Clark

Спикеры:

- Макс Гутброд, партнер, Baker & McKenzie
- Феликс Прозоров-Бастиянс, партнер, GvW Graf von Westphalen, Франкфурт-на-Майне, Германия

Сессия 5. Уже не виртуальность: искусственные юристы против настоящих

Какую роль играют новые технологии в деятельности юриста? Партнеры российских и международных юридических фирм обсудят положительные примеры использования ИТ-инструментов в юридических фирмах и сделают выводы об их влиянии на качество предоставленных услуг.

Формат: Панельная дискуссия.

Модератор:

- Александр Хвошинский, сооснователь и партнер, Legal Stratagency

Спикеры:

- Сергей Ситников, генеральный директор, «Труд Легал»
- Нина Боер, партнер, «ФБК Право», Санкт-Петербург

Сессия 6. «Не халявщик, а партнер!» Тормозят ли действующие модели партнерства развитие фирм и инноваций?

Формат: Открытая дискуссия: два модератора, несколько спикеров и активное участие аудитории.

Модераторы:

- Василий Рудомино, старший партнер, «АЛРУД»
- Эвалдас Раполас, партнер, Magnusson

Спикеры:

- Андрей Городисский, управляющий партнер, «Андрей Городисский и Партнеры»
- Сергей Войтишкин, управляющий партнер, Baker McKenzie
- Сурен Горцунян, управляющий партнер, «Рыбалкин, Горцунян и Партнеры»
- Джейми Кэри, управляющий партнер, Carey
- Рафаэль Кальдароне, партнер, Nctm Studio Legale

Сессия 7. «В однобортном уже никто не воет!» Современные лидеры успешных юрфирм: иконы стиля, законодатели привычек, пример для подражания или?..

Возможно ли быть настоящим лидером за пределами юридической фирмы? Чем занимаются юристы в свободное время и как это может им помочь при общении с клиентами? Советы профессионалов.

Формат: Открытая дискуссия: два модератора, несколько спикеров и активное участие аудитории.

Модераторы:

- Андрей Гусев, управляющий партнер, Borenium, Россия
- Зоя Ильенко, партнер, 1961 Abogados y Economistas

Спикеры:

- Валентина Хлавич, управляющий партнер, Valen
- Андрей Зеленин, управляющий партнер, Lidings
- Татьяна Гончарова, управляющий партнер, LexProf
- Виктория Голдман, управляющий партнер, Eversheds Sutherland

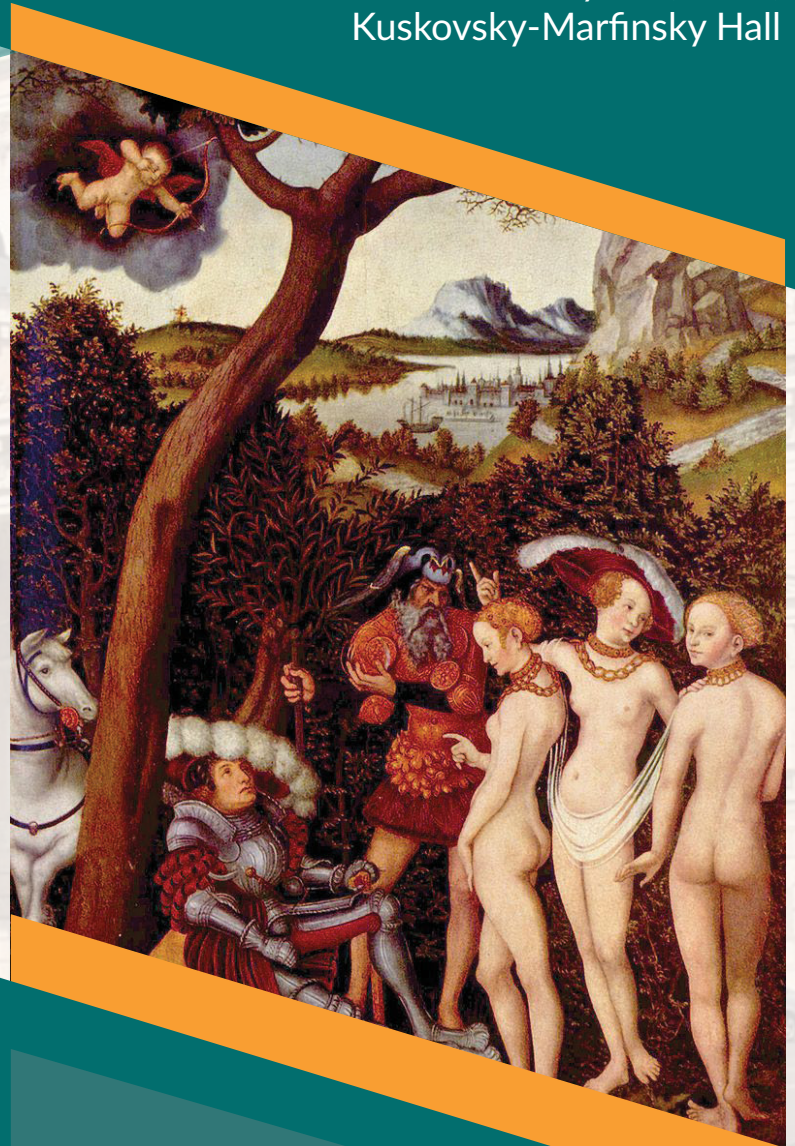
По вопросам спонсорства и участия в качестве спикера просьба обращаться к Александре Бричковской alexandra.brichkovskaya@arbitrations.ru.

По вопросам регистрации просьба обращаться к Валерии Теслиной valeriya.teslina@arbitrations.ru.

2020
6 February

RAA-CEA Conference: Arbitration and Corruption

Moscow,
Marriott Grand Hotel,
Tverskaya str, 26/1,
Kuskovsky-Marfinsky Hall

Topics will include:

- ◆ Corruption in contracts (contracts obtained by corrupted means and contracts covering bribery payments)
- ◆ Corruption of arbitrators and arbitral institutions. Presentation of The CEA Code of Best Practice In Arbitration
- ◆ Role of arbitral institutions in combating corruption
- ◆ Use of forensic and AI in identifying corruption issues

Details of the event can be found at:
<https://arbitration.ru/en/events/conference/raa-cea-conference-arbitration-and-corruption/index.php>

For sponsorship opportunities, please contact
Alexandra Brichkovskaya
alexandra.brichkovskaya@arbitrations.ru

Regarding the registration, please contact
Valeriya Teslina valeriya.teslina@arbitrations.ru

AD HOC ARBITRATION FORUM 2019

Среди тем для обсуждения:

- ◆ Арбитраж ad hoc и российская арбитражная реформа: новый виток развития
- ◆ Выбираем арбитраж: ad hoc vs арбитражный центр
- ◆ Зарубежный опыт арбитраж ad hoc: перенимаем опыт
- ◆ Как работает арбитраж ad hoc?

2019
12 декабря

**AZIMUT
SMOLENSKAYA
MOSCOW**
Москва, Смоленская, 8

С программой мероприятия можно ознакомиться по ссылке:
<https://arbitration.ru/events/conference/ad-hoc-arbitration-forum-2019/programma.php>

Подробнее о мероприятии: <https://arbitration.ru/events/conference/ad-hoc-arbitration-forum-2019/index.php>

Регистрация на мероприятие: <https://arbitration.ru/events/conference/ad-hoc-arbitration-forum-2019/registratsiya.php>

По вопросам регистрации просьба обращаться к Валерии Теслиной valeriya.teslina@arbitrations.ru

По вопросам спонсорства просьба обращаться к Александре Бричковской alexandra.brichkovskaya@arbitrations.ru

*more than
300 cases in 2019

ad.hoc
simply.better

AD HOC ARBITRATION FORUM 2019

'AdhocisationOfArbitration'

Дата: 12 декабря 2019

Место: AZIMUT SMOLENSKAYA MOSCOW, Москва, Смоленская, 8

9.00 - 9.40: Регистрация. Приветственный кофе&чай

9.40 - 10.15: Вступительное слово

- Владимир Хвалей, Партнер, Baker McKenzie
- Зыков Роман, Генеральный секретарь, Арбитражная ассоциация (Россия)
- Андрей Костицын, Руководитель, Рабочая группа Арбитражной ассоциации (Россия) по арбитражу ad hoc

10.15 - 11.15 **Секция 1. Арбитраж ad hoc и Российская арбитражная реформа: новый виток развития**

- 3 года новой эры ad hoc арбитрабельности или история о том - какие еще точки роста сгенерировала арбитражная реформа?
- Уйти от арбитражных соглашений или найти новый вектор арбитражного разрешения споров?
- Практика функционирования третейских судов ad hoc в России в 2017-2019 гг. Мониторинг практики выдачи исполнительных листов на решения третейских судов.
- Есть ли будущее у ad hoc арбитража и что поможет исключить деятельность псевдо-арбитражей ad hoc?

Спикеры:

- **Андрей Костицын**, Руководитель Рабочей группы по арбитражу ad hoc, Арбитражная ассоциация (Россия)
- **Александр Муранов**, Партнер, Муранов, Черняков и партнеры
- **Глеб Севастьянов**, Главный редактор, Журнал 'Третейский суд'
- **Ян Калиш**, Советник, Рыбалкин, Горцунян и партнеры; Рабочая группа Арбитражной ассоциации (Россия) по арбитражу ad hoc

11.15 - 11.30: Вопросы-ответы

11.30 - 12.00: Кофе-брейк

12.00 - 12.45 **Секция 2. Выбираем арбитраж: ad hoc vs ПДАУ**

- Арбитраж ad hoc vs институционный: преимущества и предпочтения?
- Как и где найти своего арбитра ad hoc?
- Как составить исполнимое арбитражное соглашение на арбитраж ad hoc?
- Запреты рекламы арбитражу ad hoc и псевдоарбитражам своей деятельности — нужна ли толковому арбитражу ad hoc вообще реклама?

Спикеры:

- **Артем Степанов**, арбитр (ad hoc); Рабочая группа Арбитражной ассоциации (Россия) по арбитражу ad hoc
- **Михаил Морозов**, арбитр (ad hoc), Председатель, Автономная некоммерческая организация "Центр арбитражного разбирательства"
- **Лиля Ключенко**, Dr.Jur., FCI Arb, Attorney at Law
- **Тимур Сысуев**, партнер Бондарь, Сысуев и партнеры (Беларусь)
- **Михаил Самойлов**, Советник, MANSORS

12.45 - 13.00: Вопросы-ответы

13.00 - 14.30: Обед

14.30 - 15.30 **Секция 3. Зарубежный опыт арбитраж ad hoc: перенимаем опыт**

- Международные реалии арбитража ad hoc
- Администрирование арбитража ad hoc Арбитражным судом при Международной торговой палате (ICC)
- Зарубежный институционный опыт по администрированию арбитража ad hoc

Спикеры:

- **Владимир Хвалей**, Партнер, Baker McKenzie
- **Сергей Мельник**, Вице-советник, Международный арбитражный суд МТП
- **Хольгер Цшайге**, Управляющий директор, Инфотропик Медиа
- **Кади Абдурахманов**, Compliance manager, CLARINS; Рабочая группа Арбитражной ассоциации (Россия) по арбитражу ad hoc

15.30 - 15.45: Вопросы-ответы

15.45 - 16.15: Кофе-брейк

16.15 - 17.15 **Секция 4. Как работает арбитраж ad hoc?**

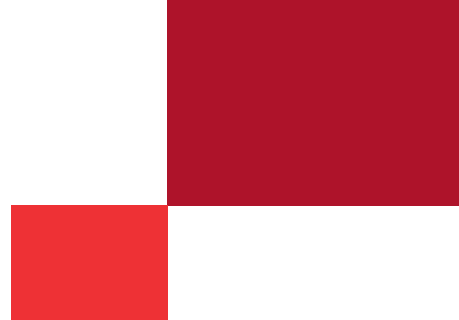
- Специфика коммуникации арбитра со сторонами и сторон с арбитром
- Как грамотно определить гонорар арбитру?
- Регламент арбитража ad hoc: индивидуальные или типовые правила? Преимущества Арбитражного регламента UNCITRAL
- Особенности приведения в исполнения ad hoc арбитражного решения

Спикеры:

- **Евгения Горячева**, Старший юридический советник, Постоянный Третейский Суд в Гааге
- **Анна Грищенко**, Партнер, КИАП, Заместитель Председателя Арбитражной комиссии ICC Russia
- **Юрий Устинов**, Консультант, O2 Consulting; Рабочая группа Арбитражной ассоциации (Россия) по арбитражу ad hoc
- **Мария Онискив**, Старший юрист, HEALBE; Рабочая группа Арбитражной ассоциации (Россия) по арбитражу ad hoc

17.15 - 17.30: Вопросы-ответы

17.30 - 18.00: Подведение итогов

2018-2019

The
Baker McKenzie
**International
Arbitration Yearbook**

We are pleased to announce that the latest edition of **The Baker McKenzie International Arbitration Yearbook** is now available.

In this edition, we look at important developments in arbitration in 45 jurisdictions over the past year, including new legislation, institutional rules, and key cases.

This year's edition includes a special feature on diversity in arbitration.

Deloitte.

**Baker
McKenzie.**

MANSONRS

Инфопартнеры

Arbitration.ru

CIS Arbitration Forum

Russia- and CIS-related International Dispute Resolution

LF LAW FIRM.RU